

ПЕПЕЛ
ТЁМНОГО
ВЕРЕСКА

АВТОР:

АСТРА ФРЕЙЛ

Астра Грей

Пепел Тёмного Вереска

<https://litres.ru/74393782>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где память — живое и драгоценное достояние, девять берегов переплетены серебряной нитью, а Дом Свидетелей — место, где прошлое говорит вслух. Группа детей — Ариандел, Рина, Орин, Элион и другие — становится Свидетелями Последней Печати и вынуждена сразиться с древними силами, которые стремятся разорвать память на части. Чтобы выстроить мост между забытым и живущими, они отправляются через Девять дверей берегов и собирают девять вопросов, затем учатся отвечать не одним носителем, а всем вместе — слушая друг друга, принимая ответственность и поддерживая друг друга. Это история взросления, коллективной ответственности и силы сообщества: память — не оружие, а общий дом, в котором никто не исчезает в одиночку.

Астра Грей

Пепел Тёмного Вереска

Пепел Тёмного Вереска

«Когда сгорает Тёмный Вереск, остаётся не пепел.

Остаётся память о тех, кто решил, что тьма имеет право на имя.»

— из запрещённых записей Архива Тёмного Вереска

ПРОЛОГ. Пепел, который помнит

Пепел падал уже третью ночь.

Он не был похож на обычный пепел — лёгкий, серый, безжизненный. Этот опускался медленно, почти не касаясь воздуха, и в свете редких уцелевших фонарей мерцал синеватым отблеском. Он ложился на разбитые крыши, на мокрые от солёного тумана камни, на обугленные арки Академии Чёрного Вереска.

И не таял под дождём.

Эра стояла у края разрушенной смотровой площадки, ку-

таясь в тяжёлый чёрный плащ. Ветер с океана швырял в лицо холодные брызги, трепал мокрые пряди волос, пробирался под воротник — но она не двигалась.

Перед ней лежала Академия.

Точнее, то, что от неё осталось.

Вершинная Башня всё ещё возвышалась над скалами, но теперь её верх был срезан так ровно, словно кто-то прошёлся по камню исполинским раскалённым клинком. Стеклённые галереи рассыпались осколками. Южное крыло ушло под землю вместе с Архивами. А там, где раньше стоял Монолит, зияла чёрная воронка.

Бездна, которую они не сумели закрыть.

Или, может быть, Бездна, которую они только разбудили.

— Ты опять не спала.

Голос Дариана прозвучал за спиной негромко. Не приказ. Не упрёк. Просто факт.

Эра медленно повернула голову.

Он стоял в нескольких шагах от неё, слишком неподвижный среди пляшущего ветра. Высокий, бледный, с тёмными волосами, на которых уже осел тонкий слой эфирного пепла. Его плащ был застёгнут до самого горла, скрывая шею и грудь, но Эра знала: под тканью, прямо над сердцем, всё ещё тянулись тонкие иссиня-чёрные прожилки.

Следы того, что когда-то называлось Костяной Гнилью.

Следы того, что теперь жило в нём иначе.

Тише.

Глубже.

Опаснее.

— Я пыталась, — ответила она.

Дариан подошёл ближе. Между ними осталась всего ладонь воздуха, пахнущего мокрым камнем, дымом и чем-то ещё — терпким, яблочно-древесным.

Сидровой мятой.

Эра резко вдохнула.

Запах был слишком ясным.

Слишком живым.

Она повернулась к руинам, всматриваясь в пепельную мглу.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

Дариан не ответил сразу.

Его взгляд стал тяжёлым. Васильковый свет в зрачках дрогнул и на мгновение померк, будто под веками прошла тень огромного крыла.

— Да.

— Здесь не может расти сидровая мята.

— Здесь вообще больше ничего не должно расти.

Пепел снова закружился.

Сначала Эра подумала, что это ветер поднял его с камней. Но серо-синие частицы не полетели в сторону океана. Они

собрались в воздухе, медленно, неестественно, словно их тянула невидимая нить.

Одна из нитей коснулась её запястья.

Метка Кровного Узла вспыхнула.

Эра стиснула зубы.

Боль не была сильной — не такой, как раньше, когда связь между ними отзывалась кровью, удушьем и чужой яростью. Эта боль напоминала ледяное прикосновение к виску. Будто кто-то стоял совсем рядом и пытался заглянуть ей в мысли.

Дариан мгновенно схватил её за руку.

— Не позволяй ему войти.

— Кому?

Он не успел ответить.

Из руин Академии донёсся детский смех.

Тонкий, звонкий, совершенно невозможный среди обугленных стен и провалившихся перекрытий.

Эра застыла.

У основания разрушенной лестницы стояла девочка.

Ей было не больше восьми лет. Босые ноги по щиколотку утопали в пепле. На ней было светлое платье, когда-то, вероятно, белое, а теперь покрытое серыми разводами. Волосы, длинные и спутанные, прилипли к щекам.

Но страшнее всего были её глаза.

Чёрные.

Не тёмно-карие. Не серые. Не наполненные тенью.

Чёрные, как провал под Монолитом.

Девочка смотрела прямо на Эру.

— Вы всё-таки вернулись, — произнесла она.

Голос у неё был не детский.

Он звучал глухо и многослойно, словно одни и те же слова говорили сразу несколько людей — мужчина, женщина,

старик, кто-то ещё, очень далёкий.

Дариан заслонил Эру собой.

Его пальцы сжались, и вокруг ладони поползли тонкие серебристо-синие нити эфира.

— Назови себя.

Девочка наклонила голову набок.

— Я не умею.

— Тогда скажи, кто послал тебя.

Её губы тронула слабая улыбка.

— Меня никто не посылал, Хранитель.

Дариан вздрогнул.

Эра заметила это движение — почти незаметное. Но она была связана с ним слишком глубоко, чтобы не почувствовать, как в его груди на миг сжалась Бездна.

Девочка сделала шаг вперёд.

Пепел под её ногами не приминался.

— Я проснулась, — сказала она. — Как и остальные.

Ветер стих.

Океан под скалами замолчал.

И в этой внезапной, мёртвой тишине Эра слышала шёпот.

Он шёл не от девочки.

Он поднимался из-под земли. Из трещин в камне. Из разрушенных архивов. Из воронки там, где пал Монолит.

Тысячами голосов.

Мы помним.

Эра прижала свободную руку к груди. Сердце билось так сильно, что боль отдавала в горло.

— Что вы помните? — прошептала она.

Девочка медленно улыбнулась шире.

И на миг её лицо стало другим.

Старше.

Пепельнее.

Чужим.

— Ваш выбор.

Метка на запястье Эры вспыхнула белым огнём.

Дариан рванул её к себе, выставляя перед ними щит из сплетённых эфирных нитей. Но было поздно: девочка рассыпалась пеплом прямо у них на глазах.

Пепел взвился вверх, закрутился над руинами Академии и устремился к чёрному небу.

Там, над срезанной вершиной Башни, медленно разгоралась новая звезда.

Нет.

Не звезда.

Огромный знак из тонких, тёмно-алых линий.

Печать.

Эра знала её форму.

Она видела её на обугленном Гримуаре Теневой Печати. На своей коже. На запястье Дариана. В воспоминаниях, которые не принадлежали ни одному из них.

Но теперь Печать была иной.

Разомкнутой.

И бесконечно большей.

Дариан смотрел на неё, не моргая.

— Это невозможно, — выдохнул он.

— Что это?

Он повернул к Эре побледневшее лицо.

— Не Печать Ордена.

В небе загудело.

Глухо, низко, будто сама земля сделала тяжёлый вдох.

— Это то, по образу чего Орден когда-то создал свою Печать.

Эра подняла глаза к чёрному небу.

Пепел продолжал падать.

И теперь она понимала: это был не след разрушения.

Это был зов.

ГЛАВА 1. Голоса в пепле

Утро над Чёрным Вереском не наступило.

Небо лишь стало чуть светлее — из чёрного превратилось в густое, свинцовое. Разомкнутая Печать исчезла вместе с первыми серыми полосами рассвета, но её след всё ещё горел у Эры перед глазами: тёмно-алые линии, уходящие в пустоту над разрушенной Башней.

Как будто небеса треснули.

Как будто мир больше не знал, где заканчивается тьма.

Они спустились с площадки молча.

Дариан шёл впереди, чуть наклонив голову, и Эра знала этот его взгляд. Так он смотрел на особенно опасные артефакты в Запретной Секции — не с испугом, нет. С холодной, почти беспощадной сосредоточенностью.

Будто страх был роскошью, которую он больше не мог себе позволить.

Пепел хрустел под подошвами.

Он покрывал всё: остатки лестниц, обломки статуй, корни старых вересковых кустов. Даже океан внизу казался присыпанным серым саваном. Волны лениво разбивались о Скалы Вереска, но пена на миг оставалась неподвижной, будто море тоже прислушивалось к тому, что пробудилось под Академией.

— Ты узнал её, — сказала Эра наконец.

Дариан не обернулся.

— Узнал.

— Тогда скажи мне правду.

Он остановился у пролома в стене бывшего Южного крыла. Здесь когда-то начинался коридор к Архивам — длинный, прохладный, пахнувший старой бумагой, воском и пылью. Теперь от него осталась только чёрная трещина, уходящая вниз, под камни.

Из глубины тянуло холодом.

Не тем холодом, который приносил океан.

Этот был сухим, неподвижным. Холодом пустой комнаты, в которой слишком давно никто не дышал.

— В старых текстах она называлась Первичной Связью, — произнёс Дариан. — Или Материнской Печатью. В разных источниках по-разному.

— Я не видела этого в Гримуаре.

— Потому что Гримуар не был началом. — Он медленно повернулся к ней. — Он был копией. И даже не самой точ-

ной.

Эра почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Орден создал Печать по чужому образцу?

— Орден не создавал ничего, Эра. Он всегда только находил, отнимал и называл это своим наследием.

В его голосе звучала такая усталость, что ей захотелось коснуться его руки. Просто проверить, что он здесь. Что Бездна внутри него ещё не утащила его туда, куда она не могла последовать.

Но она не успела.

Из трещины в полу донёсся шорох.

Эра напряглась.

Сначала показалось, что это осыпаются камни. Затем из глубины раздалось тихое, неровное дыхание.

Кто-то был внизу.

Дариан мгновенно поднял ладонь. Между его пальцами

потянулись эфирные нити — тонкие, серебристо-синие, но теперь в их свете временами вспыхивала едва заметная чернота.

— Стой за мной.

— Не начинай.

— Эра.

— Я не собираюсь лезть в провал без тебя, — отрезала она. — Но и стоять послушно в стороне не буду.

На мгновение в его лице мелькнуло что-то похожее на прежнюю усмешку.

Очень короткое.

Почти болезненное.

— Значит, всё-таки научилась.

— У тебя был отличный метод обучения.

— Угроза удушья на расстоянии ста ярдов?

— Невыносимый характер.

Он выдохнул — и это едва заметное движение стало для неё важнее любого признания.

Потом снова раздался шорох.

На этот раз ближе.

Из чёрного провала показалась рука.

Женская.

Пальцы были покрыты пеплом и изрезаны мелкими кровоточащими трещинами. Рука судорожно ухватила за край каменной плиты, потом появилась вторая. Кто-то попытался подтянуться, но сорвался с глухим стоном.

Эра уже двинулась вперёд.

— Стой, — резко сказал Дариан.

— Там человек.

— Там может быть что угодно.

— И если это «что угодно» попросит помощи, ты просто оставишь его умирать?

Дариан замер.

Его взгляд потемнел.

Эра знала, что ударила в больное место. После всего, что случилось с ним, после Костяной Гнили, после ритуала, после выбора, который они делали снова и снова, он слишком хорошо помнил, каково это — быть тем, кого все считают опасностью раньше, чем человеком.

Он опустил руку.

— Две минуты, — сказал он тихо. — Потом мы уходим.

— Договорились.

Они подошли к краю провала.

Дариан сплёл эфирные нити в прочную светящуюся петлю и опустил её вниз. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом из темноты донёсся хриплый голос:

— Не... не тяните резко...

Эра присела на колени.

— Кто вы? Как вас зовут?

Ответа не было.

Только тяжёлое дыхание.

Петля дёрнулась.

Дариан напрягся, и эфирные нити натянулись. Из провала медленно показалась женщина в длинном сером пальто, разорванном на плече. На вид ей было около сорока. Волосы, прежде, вероятно, светлые, теперь были в пепле и крови. Она едва держалась в сознании.

Когда Дариан вытянул её на каменный пол, женщина вскрикнула.

Не от боли.

От ужаса.

Она отшатнулась от него, упала на локти и подняла на него мутные глаза.

— Нет... — прошептала она. — Нет, я видела вас.

Эра осторожно опустилась рядом.

— Вы в безопасности. Как вас зовут?

Женщина посмотрела на неё.

И её лицо исказилось.

— Это ты.

Метка на запястье Эры обожгло.

Перед глазами вспыхнула чужая картинка.

Тёмный зал.

Высокий круглый потолок.

Тысячи людей в чёрных мантиях.

И голос — молодой, уверенный, звучащий прямо из её собственной груди:

«Связь не должна принадлежать двоим. Она должна принадлежать всем».

Эра резко вдохнула и отпрянула.

Видение исчезло.

Женщина зажмурилась, прижав ладони к вискам.

— Я никогда не была в Академии, — прошептала она.
— Я живу в Ланвике. На побережье. Я вчера шла домой...
потом небо загорелось... и я увидела башню. Увидела вас
обоих.

Дариан присел рядом, не касаясь её.

— Что именно вы увидели?

Она сглотнула.

— Пепел. Много пепла. Людей... Они стояли на коленях
и держались за руки. У каждого была метка. Такая же, как
у неё.

Женщина указала дрожащим пальцем на Эру.

— А над ними... над ними была дверь.

Ветер ворвался в разрушенное крыло.

Пепел поднялся с пола, закружился вокруг их ног.

И женщина закричала.

На её запястье — прямо под тонкой полосой засохшей крови — проступил знак.

Сначала маленькая чёрная точка.

Потом от неё потянулись тонкие линии.

Эра смотрела, не в силах пошевелиться.

Это не была Печать Ордена.

И всё же она была похожа на неё, как детская тень похожа на фигуру взрослого.

Дариан схватил женщину за руку.

— Эра, щит. Сейчас.

Она очнулась мгновенно.

Эфир вырвался из её ладоней светлой дугой, накрывая их полупрозрачным куполом. В тот же миг знак на запястье женщины вспыхнул алым.

Женщина выгнулась дугой.

Из её рта вырвался не крик — чужой голос.

Низкий.

Древний.

— Первый Узел был ошибкой.

Дариан побледнел.

— Кто ты? — потребовала Эра.

Голос рассмеялся.

Не громко.

Почти ласково.

— Вы называли меня Бездной, потому что боялись дать мне имя.

Пепел за стенами Академии взвился в небо.

И где-то далеко, за морем, ей ответили десятки голосов.

Потом — сотни.

А затем весь Чёрный Вереск содрогнулся от единого, страшного шёпота:

Мы проснулись.

ГЛАВА 2. Тот, кому не дали имени

Женщина перестала кричать так внезапно, что тишина ударила сильнее любого звука.

Её тело обмякло на холодных плитах. Алый знак на запястье погас, оставив после себя тонкую чёрную линию — будто под кожей провели нитью, пропитанной сажей.

Эра опустилась рядом с ней на колени.

— Она жива?

Дариан не ответил сразу.

Его пальцы зависли над шеей женщины, не касаясь кожи. Васильковый свет в его зрачках вспыхнул ярче, а затем дрогнул. Эра почувствовала отголосок этого движения внутри собственной груди: холод, который медленно разворачивался вокруг сердца.

— Жива, — произнёс он наконец. — Но её эфирный источник... изменился.

— Что это значит?

— Я не знаю.

Эра подняла на него взгляд.

Слова Дариана Вэйна «я не знаю» звучали страшнее, чем далёкий шёпот Бездны.

Он знал древние ритуалы, запрещённые трактаты, ходы Тёмного Ордена, законы Печати. Даже сталкиваясь с тем, чего не понимал, он обычно находил объяснение — холодное, точное, беспощадное.

Но сейчас он смотрел на чёрную нить под кожей незна-

комки так, словно видел в ней собственное отражение.

— Нужно отнести её в уцелевшее крыло, — сказала Эра.
— Там осталась лазаретная комната.

— Нет.

— Дариан.

— Мы не знаем, что с ней произошло.

— Именно поэтому её нельзя оставлять здесь.

Он сжал челюсти.

Ветер снова ворвался в разрушенный коридор, взметнув пепел у их ног. Где-то в глубине Академии скрипнул металл. Эра невольно обернулась к провалу, из которого они достали женщину.

Тьма внизу была неподвижной.

Слишком неподвижной.

Будто ждала.

— Она слышит его, — тихо произнёс Дариан.

— Кого?

Он посмотрел на Эру.

— Того, кто называл себя Бездной.

— Он не называл себя. Он сказал, что мы не дали ему имени.

— И это хуже.

Женщина на полу пошевелилась.

Эра тут же склонилась к ней.

— Слышите меня? Вы в безопасности.

Веки незнакомки дрогнули. Она открыла глаза — мутные, серые, наполненные такой усталостью, будто прожила не одну ночь, а целую чужую жизнь.

— Ланвик... — прошептала она.

— Что — Ланвик?

— Там мой сын.

Она попыталась подняться, но Дариан удержал её за плечо.

— Не двигайтесь.

Женщина вздрогнула от его прикосновения и резко втянула воздух.

Её лицо побелело.

— У вас... тоже есть.

Дариан медленно убрал руку.

— Что именно?

Она перевела взгляд на его грудь, скрытую плащом.

— Нить. Только у вас она не чёрная. — Её губы задрожали. — У вас она уходит глубже. Туда, где нет дна.

Эра почувствовала, как метка на запястье отзывается слабым теплом.

Не болью.

Предупреждением.

— Как вас зовут? — мягко спросила она.

Женщина долго молчала, словно пыталась вспомнить нечто простое и далёкое.

— Мира.

— Мира, я Эра. Это Дариан. Мы поможем вам вернуться к сыну. Но сначала расскажите: что произошло в Ланвике?

Мира закрыла глаза.

— Вчера вечером пепел пришёл с моря. Сначала все решили, что это след от пожара. Потом у людей начали болеть головы. Кто-то падал прямо на улицах. Кто-то говорил чужими голосами.

Она судорожно сглотнула.

— А потом старый колокол в часовне зазвонил сам.

Дариан резко поднял голову.

— В Ланвике есть часовня Ордена?

— Была, — поправила Мира. — Её закрыли ещё до моего рождения. Там давно никто не молится. Только крысы и камни.

— И что случилось после колокола?

Мира посмотрела на Эру.

— Все пошли туда.

— Кто — все?

— Те, кто услышал.

Эра почувствовала, как холодеют пальцы.

— И вы пошли?

— Да. — Мира кивнула. — Я не хотела. Клянусь, не хотела. Но ноги сами привели меня к дверям. Там уже стояли люди. Старики. Рыбаки. Дети. Даже те, кто никогда не владел магией.

Её голос сорвался.

— Они держались за руки.

Дариан выпрямился.

— Сколько их было?

— Я не знаю. Может, тридцать. Может, больше. А потом пол под часовней раскрылся.

Эра и Дариан переглянулись.

— Там был провал? — спросила Эра.

Мира покачала головой.

— Нет. Не провал. Лестница.

За стеной Академии что-то тяжело рухнуло.

Пепел посыпался с обломков арки. Дариан мгновенно поднял щит, закрывая их тонкой серебристой сетью. Камни ударились о неё и рассыпались в воздухе серой пылью.

Эра смотрела на Миру.

— Какая лестница?

— Вниз. Очень глубоко. И оттуда шёл запах.

Она замолчала.

Эра уже знала ответ.

— Сидровая мята, — прошептала Мира.

Дариан отвернулся.

Его плечи напряглись.

— Это не может быть случайностью, — сказала Эра.

— В нашем мире давно не осталось случайностей, — сухо бросил он.

Она хотела возразить, но в этот миг метка на его запястье вспыхнула.

Не у Эры.

У него.

Тёмно-синим, почти чёрным светом.

Дариан резко согнулся, прижав ладонь к груди. Его дыхание сорвалось. По лицу пробежала тень — знакомая Эре до боли: не человеческая усталость, не болезнь, а движение Бездны под кожей.

— Дариан!

Она схватила его за руку.

И мир исчез.

Она стояла посреди огромного зала.

Нет — не стояла. Висела в пустоте, не чувствуя ни пола, ни тела. Вокруг тянулись тысячи тонких нитей: алых, серебристых, чёрных, золотистых. Они пересекались, переплетались, рвались и вновь соединялись.

Каждая нить была чьей-то жизнью.

Чьей-то памятью.

Чьим-то страхом.

Эра увидела себя.

Маленькую — в доме у Туманного Утёса, у открытого окна. Отец сушил сидровую мяту, и её запах заполнял кухню. Девочка смеялась, не зная ни Ордена, ни Печати, ни имени Дариана Вэйна.

Потом увидела Дариана.

Совсем юного. Одинокого. В чёрной комнате без окон. На его правом плече проступала первая руна.

А затем — их обоих.

В Запретной Секции.

У обугленного Гримуара.

В тот миг, когда метка на её запястье вспыхнула и связала их навсегда.

Но вокруг этого воспоминания стояли другие фигуры.

Тени.

Сотни теней в чёрных одеждах.

Они смотрели не на Эру и Дариана.

Они смотрели выше.

Туда, где нити сходились в один огромный узел.

Он пульсировал в темноте над ними — без формы, без начала и конца. Не живой. Не мёртвый.

И всё же Эра чувствовала: он смотрит.

— Вы думали, что связь — это цепь.

Голос прозвучал повсюду.

Не в ушах.

В крови.

— Кто ты? — потребовала Эра.

Нити вокруг неё дрогнули.

— Я был первым прикосновением между теми, кто боялся быть один.

Перед ней возникло лицо.

Мужское — и тут же женское. Молодое — и сразу старое. Красивое, страшное, лишённое единой формы. Оно менялось каждое мгновение, словно состояло из чужих лиц.

— Ты не Бездна, — сказала Эра.

Существо улыбнулось.

— Нет. Бездна — это лишь имя, которым ваши предки называли то, чего не смогли удержать.

— Тогда кто ты?

Улыбка исчезла.

— Я — Связь.

Эра почувствовала, как рядом с ней содрогнулся Дариан.

Его силуэт возник в пустоте — напряжённый, бледный, с чёрными нитями, тянущимися от груди к огромному Узлу.

— Лжёшь, — сказал он.

Голос стал тише.

Почти печальнее.

— Ты носишь меня дольше, чем носишь своё имя, Хранитель.

Дариан сжал руку Эры.

И в этот миг огромный Узел вспыхнул.

Эра увидела Ланвик.

Старую часовню.

Треснувшие витражи.

Людей, стоящих на коленях в полумраке.

Они держались за руки, а между их запястьями тянулись чёрные нити. В центре круга стоял мальчик лет десяти — худой, босой, с пеплом в волосах.

Он поднял лицо.

И посмотрел прямо на Эру.

— Мама ждёт, — сказал он.

Мира закричала.

Мир раскололся.

Эра очнулась на каменном полу Академии.

Дариан держал её за плечи. Его пальцы дрожали — едва заметно, но она почувствовала это сразу.

Рядом Мира пыталась встать.

— Мой сын, — повторяла она. — Мой сын там. Он ждёт меня.

— Эра, — тихо сказал Дариан. — Ты тоже это видела?

Она кивнула.

— Часовню. Мальчика.

Мира застыла.

— Илар.

— Что?

— Его зовут Илар, — выдохнула женщина. — Моего сына зовут Илар.

За окнами, которых больше не было, над руинами Чёрного Вереска снова поднялся ветер.

Он нёс пепел к морю.

Туда, где стоял Ланвик.

Дариан медленно выпрямился. В его глазах больше не осталось растерянности — только знакомая, опасная ясность.

— Мы идём в Ланвик.

Эра поднялась следом.

— Потому что там лестница?

— Потому что это не лестница, — ответил он.

Он посмотрел вниз, на трещину, уходящую под разрушенные Архивы.

— Это корень. И он уже пророс за пределы Академии.

ГЛАВА 3. Дорога к Ланвику

К полудню пепел перестал падать.

Это было хуже, чем если бы он продолжал.

Без серо-синих хлопьев воздух над Чёрным Вереском казался слишком чистым, а тишина — слишком полной. Пепел лежал на разрушенной Академии ровным тонким слоем: на обугленных камнях, в трещинах лестниц, на чёрных кустах вереска, чудом уцелевших у скал.

И на ладони Эры.

Она провела пальцем по серой пыли.

В ней мелькнула тонкая синяя искра.

Пепел был живым.

Не так, как живут люди, животные или даже магические растения. Он не дышал и не рос. Но он помнил тепло кожи. Отзывался на эфир. Тянулся к метке Кровного Узла, будто узнавал в ней что-то своё.

Эра резко стряхнула его.

— Мы не должны брать Миру с собой, — сказал Дариан.

Он стоял у остатков арочного прохода, где когда-то располагались конюшни Академии. Теперь здесь были только обломки стен, мокрая солома и две уцелевшие эфирные повозки: узкие, чёрные, с металлическими ободьями колёс.

В одной из них уже сидела Мира.

Она не спорила. Не задавала вопросов. Смотрела перед собой, обхватив руками плечи, и время от времени повторяла почти беззвучно:

— Илар ждёт.

Эра подошла ближе.

— Она его мать.

— Она отмечена.

— Поэтому тем более нельзя оставлять её одну.

Дариан повернул к ней лицо.

После видения в его глазах осталась тень. Не чернота Бездны — Эра научилась отличать её. Это была другая тень: воспоминание о словах существа, назвавшего себя Связью.

Ты носишь меня дольше, чем носишь своё имя, Хранитель.

— Если то, что происходит в Ланвике, связано с ней, — продолжил он, — мы можем привести источник прямо туда, куда идём.

— А если она — единственная, кто способен нас привести к Илару?

— Мы уже видели часовню.

— Видели чужой страх. Это не карта.

Дариан промолчал.

Эра подошла совсем близко, понизила голос:

— Я знаю, что ты боишься.

Его взгляд стал жёстче.

— Не приписывай мне—

— Ты боишься не за себя. — Она коснулась его запястья, там, где под кожей пряталась метка. — Ты думаешь, что всё это идёт через тебя. Через твою Бездну. Через нашу связь.

На миг между ними вспыхнула холодная боль.

Не настоящая — память о боли.

Дариан отвёл глаза.

— Я не думаю. Я знаю, что я связан с этим.

— Мы оба связаны.

— Нет, Эра. — Он выдохнул. — Ты оказалась рядом со мной. Это разные вещи.

Она почувствовала знакомое раздражение.

То самое, которое когда-то заставило её смотреть ему в лицо, даже когда он угрожал ей смертью, даже когда Печать превращала каждый шаг от него в пытку.

Дариан Вэйн всё ещё считал, что может в одиночку стать стеной между миром и катастрофой.

И всё ещё не понимал, как сильно она ненавидела эту его привычку.

— Я не «оказалась рядом», — тихо сказала Эра. — Я выбрала остаться. Много раз. И в этот раз я тоже выбираю.

Его пальцы дрогнули.

— Ты не знаешь цену.

— Тогда скажи её.

Он молчал долго.

Ветер с моря тронул край его плаща. Где-то далеко, над руинами Вершинной Башни, сорвалась каменная плита и с глухим ударом разбилась о землю.

— Если Связь говорит правду, — произнёс он наконец, — то Орден не придумал Кровные Узлы. Он просто попытался повторить нечто древнее. Нечто, что существовало до Ордена, до Академии, возможно, до первых магов.

— И?

— И, возможно, моя Бездна — не болезнь. Не проклятие. Не источник силы. — Его голос стал глуше. — Возможно, она была частью этой... Первичной Связи с самого начала.

Эра смотрела на него, не перебивая.

— Тогда почему ты один из Хранителей? — спросила она.

— Потому что кто-то должен был удерживать её внутри. Или потому что я был создан, чтобы однажды открыть ей дорогу.

Эра сжала его руку сильнее.

— Ты не дверь.

Он усмехнулся — коротко и без радости.

— Я очень надеюсь, что ты права.

Дорога в Ланвик проходила вдоль побережья.

Раньше её называли Вересковой Тропой: в ясные дни с неё открывался вид на море, скалы и длинные поля тёмно-фиолетового вереска. Теперь от вереска остались обугленные, пепельные стебли. Они тянулись по обе стороны дороги, как тысячи тонких чёрных пальцев.

Эфирная повозка шла быстро.

Колёса почти не касались земли: между ободьями и камнями пробегали серебристые искры, а в переднем узле, закреплённом на месте упряжи, мерцал небольшой синий кристалл. Дариан вёл, держа ладонь над управляющей пластиной.

Эра сидела рядом с Мирой.

Поначалу женщина молчала.

Потом вдруг спросила:

— Вы правда из Академии?

— Да, — ответила Эра.

— Я думала, Академия погибла.

Эра посмотрела в окно.

Вдали за ними темнели руины Чёрного Вереска. Башня всё ещё возвышалась над скалами, сломанная, обожжённая, но упрямо не рухнувшая.

— Почти.

Мира кивнула, будто слышала подтверждение собственных мыслей.

— Мой муж всегда говорил, что маги однажды нас всех погубят.

Дариан не обернулся.

— Умный человек.

Эра бросила на него быстрый взгляд.

Мира слабо улыбнулась.

— Он был рыбаком. Не умным. Просто осторожным.

— Где он сейчас? — спросила Эра.

Улыбка исчезла.

— В море.

Несколько секунд слышен был только гул эфирного кристалла.

— Простите, — сказала Эра.

— Это было давно. — Мира сцепила пальцы. — Илар его почти не помнит. Только запах. От моря, смолы и старой шерсти.

Эра невольно вспомнила отца.

Тёплые руки. Сухие ветви сидровой мяты у окна. Запах хлеба, дерева и трав, который не мог защитить их от будущего, но всё равно оставался внутри неё как доказательство: когда-то жизнь была простой.

— Память часто держится за запахи, — тихо сказала она.

Мира повернула к ней голову.

— Вы тоже кого-то потеряли?

— Да.

— И всё равно идёте туда, где опасно.

Эра не успела ответить.

Метка на её запястье нагрелась.

Сначала едва заметно.

Потом больно.

Дариан резко выпрямился.

— Всем держаться.

Повозка содрогнулась.

Эфирный кристалл впереди вспыхнул белым, затем погас. Серебристые нити под колёсами исчезли, и тяжёлая конструкция рухнула на каменную дорогу так резко, что Эра ударилась плечом о боковую стенку.

Мира вскрикнула.

Дариан перехватил управляющую пластину, пытаясь снова разжечь кристалл.

— Что случилось? — спросила Эра.

— Нас глушат.

— Кто?

Ответ пришёл сам.

Из тумана впереди раздался звон.

Один удар.

Глухой, тяжёлый.

Будто огромный колокол качнулся где-то под землёй.

Мира побелела.

— Это он.

Дариан медленно поднялся.

— Мы ещё далеко от Ланвика.

— Нет, — прошептала женщина. — Это не Ланвикский колокол.

Звон повторился.

На этот раз дорога под повозкой дрогнула.

Из трещин в камнях посыпался пепел.

Он пополз по земле тонкими извивающимися линиями, собираясь в узоры. Эра увидела, как прямо перед колёсами проступает знак: круг, разомкнутый снизу, и расходящиеся от него нити.

Материнская Печать.

— Не выходите, — приказал Дариан.

— Даже не думай, — сразу отозвалась Эра.

Он посмотрел на неё.

— Ты невозможна.

— Зато предсказуема.

Мира закрыла глаза.

— Они здесь.

Из тумана выступили фигуры.

Сначала одна.

Потом вторая.

Третья.

Они шли медленно, босиком, в одинаковых серых одеждах, покрытых пеплом. Мужчины и женщины. Старик с кривой тростью. Девушка с длинной косой. Подросток, слишком худой для своего возраста.

На их запястьях темнели одинаковые чёрные нити.

Все они смотрели на повозку.

Но не на Эру.

На Дариана.

Он вышел первым.

Эфирные нити уже струились между его пальцами, изгибаясь в воздухе, как тонкие лезвия.

— Кто вы? — спросил он.

Люди остановились.

Старик впереди поднял голову.

Его глаза были совершенно обычными — серыми, водянистыми, испуганными.

— Мы не знаем, — ответил он.

И тут все заговорили одновременно.

Голоса наложились друг на друга, став единым шёпотом:

— Мы слышали зов.

Дариан напрягся.

— Какой зов?

Старик улыбнулся.

На его губах осталась пепельная полоса.

— Твой.

Эра увидела, как Дариан побледнел.

— Я никого не звал.

— Ты ещё не умеешь слышать себя, Хранитель.

Метка на его руке вспыхнула.

Чёрные нити на запястьях людей зажглись тусклым алым светом. Пепел вокруг них взвился вверх, закручиваясь в медленную воронку.

Эра прыгнула из повозки.

— Дариан, не отвечай им эфиром! Они ждут связи!

Он уже понял.

Серебристые нити между его пальцами погасли. Но было поздно: одна из пепельных линий метнулась к нему и обви-
лась вокруг запястья.

Дариан резко дёрнул рукой.

Вместо того чтобы разорваться, линия ушла под его кожу.

Он судорожно вдохнул.

Эра почувствовала его боль так, словно нить вонзилась в её собственную руку.

Перед глазами мелькнуло чужое воспоминание.

Тёмная комната.

Пустой стол.

Мальчик лет десяти сидит на полу, обняв колени.

Илар.

Он плачет беззвучно.

А из-за закрытой двери доносится голос:

«Мама уже идёт. Просто открой ей дорогу».

Эра схватила Дариана за плечо.

— Это Илар. Он жив.

Дариан посмотрел на неё.

Его зрачки сузились, а васильковый свет в глазах стал почти белым.

— Я знаю.

Старик шагнул вперёд.

— Он ждёт вас внизу.

— Где? — спросила Эра.

Старик вытянул руку в сторону моря.

Туман медленно расступился.

За дорогой, за мёртвыми полями вереска, у самого края скал виднелась маленькая каменная часовня.

Её не должно было быть там.

Эра помнила эту дорогу — по старым картам Академии, по маршрутам побережья. Между Чёрным Вереском и Ланвиком не было никакой часовни.

Но она стояла.

Старая, чёрная, с треснувшим шпилем.

А над её дверью висел колокол.

Он качнулся без ветра.

И ударил в третий раз.

ГЛАВА 4. Часовня без дороги

После третьего удара колокола никто не пошевелился.

Даже пепел.

Он застыл в воздухе между дорогой и чёрной часовней, будто время на одно короткое мгновение перестало идти. Эра слышала собственное дыхание. Чувствовала холодную ладонь Миры, вцепившуюся в край повозки. Чувствовала

Дариана — не рядом, а глубже, под рёбрами, там, где их Кровный Узел отзывался на чужой зов.

Илар ждёт вас внизу.

— Этой часовни здесь не было, — произнесла Эра.

Дариан не сводил глаз со строения у скал.

— Я знаю.

— Значит, она появилась?

— Или мы оказались там, где она всегда стояла.

Эра повернулась к нему.

— Это должно что-то объяснить?

— Нет.

Обычно в его голосе даже самые пугающие слова звучали так, словно он уже разобрал опасность на части и нашёл способ с ней справиться. Сейчас же в нём не было ни привычной холодности, ни уверенности.

Только настороженность.

И страх, который он пытался спрятать слишком глубоко.

Старик в пепельной одежде сделал шаг к часовне.

— Путь открыт.

Дариан мгновенно вскинул руку.

Серебристо-синие нити вырвались из его пальцев и легли перед людьми тонкой сверкающей стеной.

— Никто не двигается.

Старик посмотрел на преграду.

На его лице не было злости. Только странная, почти сочувственная усталость.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь удержать берег, стоя против моря.

— А ты всё ещё думаешь, что говоришь загадками достаточно умно, чтобы я не свернул тебе шею.

Эра бросила на него быстрый взгляд.

В другой момент она бы, возможно, усмехнулась. Но сейчас слова Дариана прозвучали слишком серьёзно.

Старик не испугался.

— Я не враг тебе, Хранитель. Я — след. Как и они. Как и я сам.

Он опустил взгляд на свои руки.

Чёрная нить на его запястье медленно пульсировала.

— Я был лодочником. У меня была жена. Две дочери. Я помнил их имена до вчерашней ночи.

Голос дрогнул.

На миг многослойный шёпот исчез, и перед ними оказался просто старый, потерянный человек.

— Как вас звали? — спросила Эра.

Старик поднял на неё глаза.

Он открыл рот.

И не смог ответить.

Его лицо исказилось от ужаса.

— Я... я...

Чёрная нить на запястье вспыхнула.

Старик схватился за голову и упал на колени.

Другие люди вокруг него застонали. Девушка с длинной косой прижала ладони к вискам. Подросток рухнул в пепел, будто кто-то выбил из него воздух.

— Дариан, — тихо сказала Эра. — Это не просто одержимость.

— Я вижу.

— Оно стирает их.

— Оно соединяет их, — ответил он. — И забирает всё, что мешает стать частью целого.

Слова ударили холодом.

Эра вспомнила видение — тысячи нитей, чужие жизни, огромный пульсирующий Узел над пустотой. И лицо существа, которое менялось, не удерживая ни одной человеческой формы.

Я был первым прикосновением между теми, кто боялся быть один.

— Связь, — прошептала она.

Дариан посмотрел на неё.

— Не называй его так.

— Почему?

— Потому что имя закрепляет форму.

— Оно уже назвалось.

— Оно сказала то, что хотело, чтобы мы слышали.

Ветер вновь поднялся.

Колокол над дверью часовни качнулся беззвучно. Теперь Эра заметила: его язык был не металлическим. Он выглядел как длинный чёрный корень, уходящий сквозь треснувшее дно колокола прямо в каменную кладку.

А из-под двери тянулся запах.

Сидровая мята.

Терпкая. Горьковатая. Почти домашняя.

Мира спрыгнула с повозки.

— Нет! — Эра перехватила её за локоть.

Женщина вырвалась с неожиданной силой.

— Он там.

— Мы не знаем этого.

— Я слышу его!

Мира повернулась к часовне.

Её губы побледнели.

— Илар!

Из-за чёрной двери донёсся стук.

Три быстрых удара.

Потом детский голос:

— Мама?

Мира застыла.

Эра почувствовала, как что-то внутри неё сжимается.

Голос был слишком тихим, чтобы долететь сквозь ветер.
Но она тоже его услышала.

И не только услышала.

Метка на её запястье вспыхнула мягким, болезненным светом.

— Мама, — повторил Илар. — Ты ведь пришла?

Мира рванулась вперёд.

Дариан успел раньше.

Эфирная нить обвила её талию и резко дёрнула назад. Женщина упала на пепел, ударившись ладонями о камни.

— Отпусти меня! — закричала она. — Это мой сын!

— Именно поэтому ты не можешь идти первой, — отрезал Дариан.

— Ты ничего не понимаешь!

— Понимаю больше, чем ты думаешь.

В его голосе что-то изменилось.

Не громкость. Не тон.

Боль.

Такая старая, что Эра на секунду увидела его мальчишкой в комнате без окон — одного, испуганного, с первой руной на плече. И рядом не было никого, кто сказал бы ему, что он не чудовище. Что он не дверь. Что он имеет право бояться.

Эра медленно подошла к Мире и опустилась перед ней на колени.

— Мы приведём тебя к Илару, — сказала она. — Но живой. Ты слышишь? Не как след. Не как голос. Ты войдёшь туда вместе с нами и выйдешь вместе с ним.

Мира смотрела на неё, дрожа всем телом.

— А если он уже...

— Нет, — резко сказала Эра.

Это было не обещание.

Скорее приказ самой реальности.

Или отчаянная просьба.

Мира закрыла глаза и кивнула.

Дариан убрал нить, но не сразу. Он держал её ещё несколько секунд, словно ждал, что нечто внутри женщины снова попытается вырваться наружу.

Потом повернулся к Эре.

— Мы идём вдвоём.

— Втроём, — возразила она.

— Нет.

— Дариан.

— Мира останется здесь.

Женщина судорожно вдохнула.

Эра уже открыла рот, чтобы спорить, но он продолжил — тихо, не отводя от неё взгляда:

— Если это место связано с ней, а оно связано, её присутствие может открыть проход шире. Или закрыть его за нами. Я не позволю, чтобы она стала ключом, который мы сами принесём к замку.

— А если Илар станет этим ключом?

Дариан замер.

Эра видела, что вопрос попал в цель.

— Мы не знаем, жив ли он по-настоящему, — сказал он наконец.

— Тогда тем более нужно узнать.

— Эра...

— Я не брошу ребёнка, потому что боюсь того, кем он может стать.

Он смотрел на неё долго.

Между ними шевельнулся Кровный Узел — не болью, а глухим напряжением. Их связь всегда чувствовала моменты, когда они стояли на разных краях одного решения.

Когда-то один из них неизбежно уступал.

Теперь Эра не собиралась уступать.

И Дариан, кажется, понял это.

Он медленно выдохнул.

— Хорошо. Но если я скажу уходить — ты уходишь.

— Если ты скажешь уходить, я подумаю.

— Великолепно.

— Ты же любишь во мне эту черту.

— Это одна из причин, по которым моя жизнь стала невыносимой.

Несмотря на страх, Эра почти улыбнулась.

Дариан повернулся к людям в пепле.

— Вы останетесь здесь.

Старик всё ещё стоял на коленях. Он поднял лицо.

— Мы не можем.

— Можете.

— Нет.

В его глазах снова появилось чужое, бездонное выражение.

Чёрные нити на запястьях всех собравшихся натянулись. Эра увидела, как от часовни к каждому из них тянутся почти невидимые волокна пепла.

— Когда дверь зовёт, след идёт.

Дариан шагнул вперёд.

Его эфир вспыхнул.

— Тогда я перережу нити.

— Не смей! — крикнула Эра.

Он обернулся к ней.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, что с ними станет.

— А ты знаешь?

— Нет. Но если это настоящая связь, они могут быть привязаны не только к часовне. Они могут быть привязаны друг к другу.

Дариан сжал пальцы.

Нити эфира вокруг его руки задрожали.

— Если мы оставим их, они войдут следом.

— Тогда поставь барьер. Не режь.

Он посмотрел на пепельную толпу.

На старика, который не мог вспомнить собственного имени. На девушку, плачущую без слёз. На подростка, сидящего в дорожной грязи и шепчущего что-то о море.

Потом опустил руку.

— Барьер удержит их недолго.

— Нам и не нужно долго.

Он коротко кивнул.

Эфирные нити сорвались с его пальцев и развернулись вдоль дороги полукругом. Они вплелись в пепел, в камни, в сухие корни вереска. Свет стал плотнее, сформировав про-

зрачную стену.

Люди не пытались пройти.

Они просто стояли перед барьером.

И ждали.

Дверь часовни была приоткрыта.

Она не скрипнула, когда Дариан толкнул её ладонью. Это показалось Эре неправильным: дерево выглядело старым, разошедшимся, покрытым трещинами и чёрным мхом. Но дверь ушла внутрь плавно, почти бесшумно.

Из темноты пахнуло холодом.

И сидровой мятой.

Внутри часовня оказалась больше, чем снаружи.

Эра остановилась на пороге.

Снаружи здание было маленьким — один зал, узкий неф, крошечная башенка. Но перед ними тянулось пространство, способное вместить не меньше сотни людей. Высокий пото-

лок терялся в сумраке. Узкие окна были затянуты чёрными витражами, и сквозь них не проникал дневной свет.

Вместо скамеек вдоль стен стояли длинные ряды пустых стульев.

Все они были обращены не к алтарю.

К полу.

В центре зала каменные плиты образовывали круг. На них лежал тонкий слой пепла, а в пепле проступал тот же знак: разомкнутый круг и бесчисленные нити, расходящиеся от него во все стороны.

— Не наступай на линии, — сказал Дариан.

Эра кивнула.

Мира держалась позади них, вцепившись пальцами в край своего пальто.

— Илар? — позвала она.

Ответа не было.

Только где-то далеко капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Но звук шёл не сверху.

Из-под пола.

Дариан поднял ладонь. Над ней вспыхнул маленький синий огонёк. Он поплыл вперёд, освещая стены, покрытые старыми изображениями.

Эра подошла ближе.

На первой фреске были люди.

Много людей — разных: мужчины, женщины, дети. Они стояли в круге, касаясь ладонями чужих ладоней. Над ними тянулись тонкие золотые линии, сходящиеся в сияющий узел.

На второй фреске золотые линии стали чёрными.

Люди всё ещё держались за руки, но их лица были испуганными.

На третьей — круг разорвался.

Несколько фигур лежали на земле. Другие стояли над ними, сжимая в руках ножи и книги. Над головами у них проступал знак, который Эра знала слишком хорошо.

Печать Тёмного Ордена.

— Они не создали Печать, — прошептала она. — Они украли её.

— И исказили, — ответил Дариан.

Он смотрел на последнюю фреску.

На ней были изображены двое.

Мужчина и женщина стояли лицом друг к другу. Их запястья соединяла одна тонкая алая нить. Вокруг них бушевали чёрные линии, пытавшиеся втянуть их в общий узор.

Но двое не отпускали рук.

Над ними было выведено несколько слов на древнем языке.

Дариан побледнел.

— Что там? — спросила Эра.

Он не ответил.

— Дариан.

— Это не молитва.

— Тогда что?

Он медленно перевёл на неё взгляд.

— Предупреждение.

Его голос прозвучал глухо.

— «Связь, выбранная двоими, спасает. Связь, навязанная всем, пожирает имена».

Мира всхлипнула.

Из глубины часовни раздался детский голос:

— Мама, я помню своё имя.

Все трое замерли.

Голос доносился из-за алтаря.

Нет.

Из-под него.

Мира сорвалась с места.

На этот раз Эра не успела её остановить. Женщина бросилась через зал, не глядя под ноги, и наступила прямо на край разомкнутого круга.

Пепел вспыхнул.

Чёрные линии на полу ожили.

Они рванулись к её ногам, обвивая лодыжки, словно тонкие живые корни.

Мира закричала.

Дариан метнулся вперёд.

Но прежде, чем он успел коснуться её, каменный пол под алтарём разошёлся.

Из глубины ударил запах сидровой мяты.

Такой сильный, что у Эры перехватило дыхание.

А затем снизу поднялся мальчик.

Илар стоял на первой ступени лестницы, уходящей вниз, во тьму.

Он был босой. В пепле. Бледный до прозрачности.

Но живой.

Он посмотрел на мать и улыбнулся.

— Я знал, что ты придёшь.

Мира протянула к нему руку.

— Илар...

Мальчик наклонил голову.

Его глаза были обычными.

Серыми.

Совсем как у неё.

— Только не трогай меня, мама, — сказал он.

И в этот миг за его спиной, в глубине лестницы, кто-то медленно произнёс:

— Потому что тогда она войдёт вместе с тобой.

ГЛАВА 5. Лестница под именами

Мира застыла.

Её рука всё ещё тянулась к сыну, но пальцы дрожали так сильно, будто воздух между ними превратился в холодную воду.

— Кто это сказал? — прошептала она.

Илар не обернулся.

Он смотрел только на мать.

— Не слушай его, — сказал он тихо. — Он всегда говорит так, чтобы люди боялись друг друга.

Голос из глубины лестницы ответил почти сразу:

— А ты всегда говоришь так, чтобы они шли за тобой.

Дариан шагнул вперёд.

Серебристо-синие нити эфира вспыхнули вокруг его рук, освещая каменные ступени. Свет скользнул вниз — и тут же потонул в темноте, словно лестница уходила не под часовню, а в землю без конца.

— Покажись, — приказал он.

Тишина.

Потом из глубины донёсся тихий смех.

Не человеческий.

Но и не тот многоголосый шёпот, который они уже слышали.

Этот голос был ровным, почти спокойным. В нём чувствовалась усталость того, кто слишком долго ждал.

— Я уже здесь, Хранитель. Как и был всегда.

Эра почувствовала, как Дариан напрягся.

Она подошла ближе к нему, не касаясь, но так, чтобы их плечи почти соприкасались. Метка на запястье отозвалась теплом.

Не угрозой.

Напоминанием.

Ты не один.

— Илар, — мягко сказала Эра. — Ты можешь подняться к маме?

Мальчик посмотрел на неё.

В его серых глазах было слишком много взрослой печали.

— Я не могу.

— Почему?

Он медленно поднял руки.

На тонких запястьях темнели две чёрные нити.

Они уходили вниз, в провал лестницы.

— Потому что я держу дверь закрытой.

Мира издала сдавленный звук.

— Нет... Нет, ты ребёнок. Ты не должен ничего держать.

— Я знаю.

Илар улыбнулся ей — очень слабо.

— Но больше никому.

Дариан опустил руку.

Эфирные нити вокруг пальцев потускнели.

— Кто привязал тебя? — спросил он.

Мальчик опустил взгляд.

— Люди из часовни. Они пришли ночью. Все держались за руки. И говорили, что им больше не будет страшно.

Эра почувствовала, как холодеет кожа.

— Они заставили тебя?

— Нет. — Илар покачал головой. — Они не знали, что делают. Сначала просто хотели, чтобы голоса перестали звучать в голове. Потом пол открылся. А там был свет.

Он сглотнул.

— Я слышал его раньше остальных.

— Кого? — спросила Мира.

Мальчик поднял глаза.

— Того, кто зовёт себя Связыю.

На этих словах чёрные нити на его запястьях натянулись.

Из глубины лестницы поднялся холодный ветер.

Огонёк эфира в ладони Дариана дрогнул.

— Он сказал, что я могу помочь всем, — продолжал Илар.

— Что если я останусь, никто больше не будет один. Никто не потеряет тех, кого любит. Никто не забудет голоса тех, кто ушёл.

Мира шагнула вперёд.

Дариан удержал её движением руки.

— Не сейчас.

— Он мой сын!

— И именно поэтому он нужен тому, что внизу.

Мира повернулась к нему с такой ненавистью, что Эра на миг увидела в ней не испуганную женщину из Ланвика, а мать, которой предлагают оставить ребёнка в темноте.

— Ты не смеешь...

— Я смею, потому что знаю цену.

Дариан говорил тихо.

Но его голос звучал так, словно каждое слово проходило сквозь старую рану.

— Когда тебе говорят, что твоё одиночество можно исцелить чужой жизнью, это всегда ложь. Когда тебе обещают вернуть тех, кого ты потерял, — это всегда ловушка. И когда ребёнка называют ключом, он становится не избранным. Он становится жертвой.

Илар смотрел на него не мигая.

— Ты тоже был ключом?

В часовне стало тихо.

Эра почувствовала, как внутри Дариана что-то содрогнулось.

Метка Кровного Узла вспыхнула между ними болезненной искрой.

Он мог не ответить.

Мог приказать мальчику замолчать. Мог снова спрятаться за голосом Хранителя, за холодным лицом, за угрозой и эфирными нитями.

Но вместо этого Дариан медленно кивнул.

— Да.

Илар опустил голову.

— Тебя спасли?

Дариан посмотрел на Эру.

Всего одно мгновение.

Но в этом взгляде было всё: Запретная Секция, первая метка, страх, гнев, кровь, смерть, Монолит, пепел над разрушенной Академией.

— Меня не спасли сразу, — сказал он. — Но однажды рядом оказался человек, который не позволил мне стать только ключом.

Эра не отвела глаз.

Илар снова посмотрел на мать.

— А ты не уйдёшь?

Мира всхлипнула.

— Никогда.

— Даже если я изменюсь?

Она закрыла лицо ладонью.

Потом медленно опустила руки.

— Ты можешь бояться. Можешь злиться. Можешь не помнить, кто ты. Но ты всё равно мой сын.

Чёрные нити на руках мальчика вспыхнули.

Он согнулся, зажмурившись.

— Мама... не говори так. Он слышит.

Из глубины лестницы ударил гул.

Камни под ногами задрожали. Пепел на полу поднялся и закрутился вокруг круга, образуя тонкую пепельную стену.

Двери часовни с грохотом захлопнулись.

Эфирный барьер Дариана снаружи погас.

Эра резко обернулась.

За витражами мелькнули серые фигуры.

Люди с дороги.

Они стояли у часовни.

И все смотрели внутрь.

— Мы заперты, — сказала она.

— Ненадолго, — ответил Дариан.

Он поднял обе руки. Нити эфира взлетели к дверям, но, коснувшись тёмного дерева, рассыпались искрами.

Дариан нахмурился.

— Здесь другая магия.

— Какая? — спросила Эра.

— Та, которая не различает твою силу и силу того, кто тебя держит.

Голос из глубины снова заговорил:

— Потому что сила не принадлежит вам. Она проходит через вас.

Пепельная стена стала выше.

Эра увидела, как нити на запястьях Илара медленно ползут вверх по его рукам.

Мальчик стиснул зубы, но не закричал.

— Если он соединит меня с остальными, — выдохнул он, — дверь откроется.

— Какая дверь? — спросила Эра.

Илар поднял на неё глаза.

— Та, которая была закрыта, когда Орден испугался.

Дариан резко повернулся к лестнице.

— Не слушай его, — сказал он.

Но мальчик уже продолжал:

— Под часовней есть место, где все нити сходятся. Там можно разорвать их. Я видел.

— И что для этого нужно? — спросила Эра.

Илар молчал.

Мира сделала шаг к нему.

— Сынок.

Он задрожал.

— Кто-то должен остаться там вместо меня.

Слова опустились в тишину тяжело, как камень в воду.

Эра почувствовала, как Дариан рядом с ней выпрямился.

Его лицо стало неподвижным.

Слишком неподвижным.

— Нет, — сказала она.

— Эра, — начал он.

— Нет.

Она повернулась к нему.

— Даже не думай.

— Мы не знаем другого способа.

— Мы не знаем, потому что только вошли сюда.

— А пепел уже распространяется. Люди снаружи уже связаны. Илар — якорь. Если он сорвётся...

— Тогда мы найдём способ удержать его без новой жертвы.

Дариан сжал челюсти.

— Иногда жертва — не выбор. Иногда это единственный—

— Не повторяй им слова Ордена.

Он замолчал.

Эра приблизилась к нему.

— Они всегда называли это необходимостью. Всегда говорили, что кто-то должен быть ключом, сосудом, Хранителем, жертвой. И каждый раз выбирали человека, который не мог отказаться.

Она посмотрела на Илара.

— Он не останется здесь.

Голос из глубины лестницы стал мягким.

Почти ласковым.

— Ты всё ещё хочешь сохранить каждого. Как трогательно.

Эра вскинула голову.

— Покажись.

— Зачем? Ты уже видела меня. В себе. В нём. В их страхе.

— Ты не Связь, — сказала она. — Ты паразитируешь на ней.

Впервые за всё время тишина стала другой.

Не пустой.

Злой.

Пепельная стена вокруг круга дрогнула.

Дариан резко повернулся к Эре.

— Не провоцируй его.

— Оно хочет, чтобы мы верили: связь всегда означает раствориться в других. Но это неправда.

Метка на её запястье разгорелась.

Эра подняла руку.

— Я связана с Дарианом. Но я не стала им. Он не стал мной. Мы можем чувствовать боль друг друга, помнить друг друга, выбирать друг друга — и всё равно оставаться собой.

Из темноты донёсся низкий, глухой звук.

Будто кто-то ударил огромным кулаком по камню.

— Вы — ошибка.

Эра ощутила, как Кровный Узел вспыхнул между ней и Дарианом.

Но теперь в нём не было боли.

Только ясность.

— Нет, — ответила она. — Мы — доказательство.

Чёрные нити на руках Илара дёрнулись.

На миг они ослабли.

Мальчик шумно вдохнул.

— Эра! — крикнул он. — Сейчас!

Дариан понял раньше неё.

Он выбросил руку вперёд, но не в сторону мальчика и не в глубину лестницы. Его эфирные нити ударили в пепельный круг на полу, разделяя знак на две половины.

Камень взорвался трещинами.

Часовня содрогнулась.

Из-под алтаря поднялся вихрь чёрного пепла.

Он принял форму высокой фигуры.

Без лица.

Без рук.

Только силуэт в длинном одеянии, сотканный из дыма, корней и бесчисленных тонких нитей.

В центре его груди мерцал разомкнутый круг.

— Двое не смогут удержать мир, — произнесла фигура.

Дариан встал перед Эрой.

— Зато двое могут остановить тебя.

Существо наклонило голову.

— Ты всё ещё думаешь, что я твой враг, Хранитель?

Оно медленно протянуло руку к Илару.

Чёрные нити на запястьях мальчика вспыхнули алым.

— Я всего лишь дам каждому то, чего ты сам так долго просил. Никогда больше не быть одному.

Дариан побледнел.

И Эра поняла страшное.

Связь не просто знала его прошлое.

Она знала ту часть Дариана, которую он годами прятал даже от неё.

Ту часть, которая действительно могла захотеть услышать это обещание.

Пепельная фигура улыбнулась — хотя у неё не было лица.

— Скажи им, Хранитель. Разве ты не открыл бы эту дверь, если бы знал, что за ней тебя ждёт тот, кого ты потерял?

ГЛАВА 6. То, что ждёт за дверью

Вопрос повис в часовне.

Пепельная фигура не двигалась. Чёрные нити, выходявшие из её груди, медленно колыхались в воздухе, будто под водой. За высокими витражами бушевал ветер, но внутри всё застыло — даже Илар перестал дрожать.

Эра смотрела на Дариана.

Он не отвечал.

Его лицо стало белым, почти бескровным. В глазах погас васильковый свет, и на миг она увидела не Хранителя, не мага Бездны, не человека, который держал на себе чужую силу так долго, что почти забыл, как жить без неё.

Она увидела мальчика из её видения.

Одинокого.

Запертого.

Того, кому никто не пообещал, что за дверью может быть кто-то, кто не боится его.

— Кого ты потерял? — тихо спросила Эра.

Дариан вздрогнул.

Пепельная фигура повернула к ней безликое лицо.

— Ты не знаешь?

— Не слушай его, — глухо произнёс Дариан.

— Я спрашиваю не его. Я спрашиваю тебя.

Он стиснул пальцы так сильно, что на костяшках проступила белизна.

Мира прижала Илара к себе взглядом, но не решалась приблизиться. Мальчик всё ещё стоял на лестнице, связан-

ный чёрными нитями, и в его серых глазах отражался пепельный силуэт.

— У меня был брат, — наконец сказал Дариан.

Эра не шевельнулась.

Она знала многое о Тёмном Ордене. О Хранителях. О том, как детей с редкими магическими источниками отбирали, изолировали, ломали ритуалами и превращали в сосуды для чужой силы.

Но о брате Дариан никогда не говорил.

Ни разу.

— Его звали Элиан, — продолжил он. — Он был старше на три года. И он всегда думал, что сможет меня защитить.

Пепельная фигура дрогнула, словно слова питали её.

— Он плакал, когда тебя увели.

Дариан резко поднял голову.

— Замолчи.

— Он звал тебя по имени. Он просил Орден оставить тебя.
А потом, много лет спустя, он всё ещё ждал.

В часовне вспыхнуло чужое воспоминание.

Эра не видела его глазами — оно пришло через Кровный Узел, болезненным обрывком, которому Дариан не успел сопротивляться.

Коридор из чёрного камня.

Двое мальчиков.

Один — худой, с тёмными волосами и упрямо сжатыми губами. Второй — совсем маленький, испуганный, с бледным светом в зрачках.

Элиан держал его за руку.

— Я найду тебя, Дар, — шептал он. — Слышишь? Ты только не верь им. Ты не чудовище.

Потом — голоса взрослых.

Руки в чёрных перчатках.

Рывок.

Пальцы разжимаются.

И пустота.

Эра судорожно вдохнула.

Дариан покачнулся, будто воспоминание ударило и по нему.

— Я искал его, — сказал он так тихо, что слова едва можно было расслышать. — Когда стал достаточно сильным. В архивах Ордена. В списках погибших. В закрытых протоколах. Его имени нигде не было.

— Потому что он не погиб, — произнесла фигура.

Чёрные нити в воздухе натянулись.

Под алтарём, далеко внизу, что-то глухо стукнуло.

Один раз.

Потом второй.

Как будто по ту сторону лестницы кто-то медленно бил ладонью в закрытую дверь.

— Он ждёт тебя.

Дариан сделал шаг вперёд.

Эра схватила его за запястье.

— Нет.

Он не посмотрел на неё.

— Если это правда...

— Оно знает, что сказать. Это не значит, что оно говорит правду.

— А если говорит?

Эра почувствовала, как его отчаяние проходит через Узел — не как вспышка, а как глубокая, старая трещина. Столько лет он жил с отсутствием, которое не мог назвать. Столько лет не знал, предал ли брат своё обещание или просто не успел его выполнить.

— Тогда мы найдём Элиана, — сказала она. — Но не так.

Пепельная фигура стала выше.

Её дымчатая голова почти коснулась потолка.

— Она предлагает тебе ждать, Хранитель. Снова. Пока кто-то другой решит, достоин ли ты правды.

— Я сказала не это.

— Она предлагает тебе сомнение вместо возвращения. Боль вместо близости. Одиночество вместо дома.

Дариан медленно высвободил руку.

Эра не удерживала его силой.

Она могла бы. Их связь отзывалась на прикосновение, на страх, на желание защитить. Она могла бы вплести в него эфир, заставить вспомнить все причины остановиться.

Но тогда это была бы не любовь.

Это была бы та самая власть, против которой они сража-

лись.

— Я не буду решать за тебя, — произнесла она. — Но я прошу: не отдавай ему выбор только потому, что оно знает твою боль.

Он наконец посмотрел на неё.

В его глазах снова появился свет — слабый, но настоящий.

— А если я хочу увидеть его?

— Тогда скажи это мне. Не ему.

Пепел вокруг фигуры зашипел.

Илар вдруг вскрикнул.

Чёрные нити на его руках рванулись вверх, обвили горло, плечи, грудь. Мальчик упал на ступени, пытаясь вдохнуть.

Мира бросилась к нему.

На этот раз Дариан не остановил её.

— Илар!

Она упала рядом с сыном, не касаясь его, но закрывая его собой от невидимой угрозы.

— Я здесь. Слышишь? Я здесь.

— Мама... — выдавил мальчик. — Я не могу... держать...

Пепельная фигура наклонилась над ними.

— Он устал. Дайте ему отпустить. Дайте всем стать одним.

Эра почувствовала, как внутри неё поднимается ярость.

Не страх.

Не отчаяние.

Ярость оттого, что это существо говорило о любви языком подчинения. О близости — как о стирании. О спасении — как о клетке, в которой никто больше не будет один, потому что никто не останется собой.

Она подняла ладонь.

На коже запястья горела метка Кровного Узла.

— Ты ошибся в одном, — сказала Эра.

Фигура замерла.

— В чём же?

— Ты думаешь, что связь рождается из страха одиночества.

Она посмотрела на Миру и Илара.

На Дариана.

— Но настоящая связь начинается там, где тебя видят отдельным человеком. Не частью. Не сосудом. Не ключом. И всё равно выбирают быть рядом.

Она шагнула к кругу на полу.

Дариан резко вдохнул.

— Эра, не подходи.

— Я не пересеку его.

— Ты не знаешь, что он делает.

— Зато я знаю, чего хочет оно.

Она остановилась у самой линии разомкнутой Печати.

— Оно хочет соединить всех через боль. Через страх потери. Через обещание вернуть мёртвых.

Пепельная фигура медленно повернула голову.

— А разве ты сама не хотела вернуть?

Эра застыла.

Перед глазами вспыхнул дом у Туманного Утёса.

Отец у окна.

Пучки сидровой мяты на деревянной балке.

Тёплый хлеб.

Тишина.

На миг ей так захотелось шагнуть вниз по лестнице. Увидеть его. Услышать его голос. Снова стать ребёнком, которому не нужно знать цену ритуалов и Печатей.

Пепел в часовне запах сидровой мятой стал густым, почти осязаемым.

— Он ждёт тебя тоже, Эра.

Она закрыла глаза.

Я найду тебя, Дар. Ты только не верь им. Ты не чудовище.

Голос Элиана всё ещё жил в памяти Дариана.

А она вдруг вспомнила голос отца — не идеальный, не призрачный, а настоящий. Тёплый, усталый, живой:

«Мята не лечит всё, Эра. Но она напоминает, что после зимы земля всё равно пытается дышать.»

Эра открыла глаза.

— Я скучаю по нему, — сказала она.

Фигура застыла.

— Я скучаю по своему отцу. Дариан — по брату. Мира боится потерять сына. Илар боится, что больше не станет собой.

Она опустила руку.

— Но скучать — не значит принадлежать тебе.

Свет метки стал ярче.

Не алым.

Тёплым, бело-золотым.

Дариан смотрел на неё — и вдруг поднял собственное запястье. Его метка вспыхнула в ответ.

Между ними протянулась тонкая нить.

Та самая, что была изображена на старой фреске: не чёрная, не золотая, не похожая на цепь.

Алая.

Живая.

Выбранная.

Пепельная фигура отшатнулась.

Впервые в её голосе прозвучало нечто похожее на гнев:

— Нет.

Нить между Эрой и Дарианом расширилась, не превращаясь в сеть. Она не тянулась к Мире. Не касалась Илара. Не пыталась забрать ничью память или силу.

Она просто была.

— Дариан, — тихо сказала Эра. — Скажи ему.

Он сделал шаг к ней.

Пепел хрустнул под его сапогом.

— Ты не Связь, — произнёс он, глядя на фигуру. — Ты её рана.

Часовня содрогнулась.

Тёмные витражи покрылись трещинами.

Пепельная фигура взревела, и этот звук не был голосом. Он был сотнями голосов сразу — страхом людей на дороге, криками в Ланвике, плачем тех, кто услышал обещание никогда больше не быть одиноким.

Чёрные нити на Иларе натянулись.

Дариан резко повернулся к мальчику.

— Эра, мне нужно коснуться круга.

— Нет, он втянет тебя.

— Я не буду бороться с ним как с источником. Я изменю направление.

Она поняла.

— Ты хочешь переплести нити.

— Не все. Только те, что держат Илара.

— А если они уйдут в тебя?

Дариан коротко усмехнулся.

— Тогда у тебя будет очередной повод злиться на меня.

— Дариан.

Он стал серьёзным.

— Я не останусь там. Обещаю.

Эра смотрела на него.

Он не сказал: «Я постараюсь».

Не сказал: «Если получится».

Он сказал: «Обещаю».

И она кивнула.

— Хорошо. Но мы сделаем это вместе.

Пепельная фигура снова рванулась к Илару.

Эра выбросила руку.

Её эфир ударил в воздух бело-золотой волной, отбрасывая пепел от мальчика и Миры. Дариан опустился на одно колено у края круга и положил ладонь на древний знак.

Чёрные линии мгновенно вспыхнули.

Боль прошла через Кровный Узел.

Эра закричала — не оттого, что нити коснулись её, а потому что почувствовала, как они впиваются в Дариана. Тысячи чужих страхов. Тысячи имён, которые пытались стереть. Тысячи голосов, зовущих тех, кого потеряли.

Она стиснула зубы и схватила его за плечо.

— Не отпускай себя.

— Я здесь, — выдохнул он.

— Смотри на меня.

Он поднял взгляд.

Васильковый свет в его глазах почти утонул в черноте.

— Дариан.

— Я здесь.

Чёрные нити от запястий Илара дрогнули.

Одна из них медленно оторвалась от мальчика.

Потом вторая.

Они потянулись к кругу — и вдруг рассыпались не пеплом, а мелкими светлыми искрами.

Илар рухнул в объятия Миры.

Пепельная фигура издала яростный крик.

Пол часовни треснул.

Из лестницы внизу ударил поток ледяного воздуха, и в нём прозвучал другой голос.

Не голос существа.

Не голос ребёнка.

Мужской.

Живой.

Очень тихий.

— Дар?

Дариан застыл.

Эра почувствовала, как его сердце пропустило удар.

Из глубины лестницы снова донеслось:

— Дариан... это правда ты?

ГЛАВА 7. Голос из глубины

Дариан не двигался.

Его ладонь всё ещё лежала на древнем знаке, но эфирные нити вокруг пальцев погасли. Даже боль, проходившая через Кровный Узел, на миг отступила — будто сама часовня задержала дыхание.

— Дар?

Голос повторился.

Тише.

Ближе.

Эра увидела, как Дариан побледнел.

— Элиан, — выдохнул он.

Пепельная фигура у алтаря замерла.

Впервые её безликий силуэт утратил уверенность. Чёрные нити, которые секунду назад тянулись к Илару, дрогнули и начали втягиваться обратно в дымчатое тело.

— Не смей, — произнёс Дариан.

Он смотрел вниз, в темноту лестницы.

— Не смей использовать его голос.

— Я не использую, — ответили из глубины.

И это был не тот голос.

Он не звучал многослойно. Не проникал в кровь. Не пытался заставить их поверить.

Он дрожал.

По-человечески.

— Я... не знаю, где я.

Дариан поднялся так резко, что Эра едва успела отступить. Чёрные линии на полу попытались обвить его сапоги, но он одним движением рассёк их тонким серо-синим лезвием эфира.

— Дариан, стой.

— Это он.

— Мы не знаем.

— Я знаю его голос.

Пепельная фигура медленно выпрямилась.

— Он не тот, кого ты помнишь.

Дариан повернул к ней лицо.

В его глазах вспыхнул васильковый свет — холодный, яркий, опасный.

— Ты сказала, что он ждёт меня.

— Я сказала то, что ты хотел услышать.

— Значит, он там.

Фигура не ответила.

И этого молчания оказалось достаточно.

Дариан шагнул к лестнице.

Эра схватила его за руку.

— Вместе.

Он посмотрел на неё.

— Там может быть ловушка.

— Конечно, может. Поэтому ты не пойдёшь туда один.

— Эра...

— Ты обещал.

Он опустил взгляд на их сцепленные руки. Метки на запястьях светились по-разному: её — мягким бело-золотым светом, его — глубоким синим, в котором всё ещё прятались чёрные тени.

Потом Дариан медленно кивнул.

— Вместе.

Мира сидела на ступенях, прижимая Илара к себе. Мальчик был бледен, но дышал ровно. Чёрные нити исчезли с его рук, оставив только тонкие тёмные следы, похожие на старые ожоги.

— Я тоже иду, — сказала Мира.

Дариан покачал головой.

— Нет. Ты остаёшься с Иларом.

— Но там может быть ещё кто-то.

— Именно поэтому.

Эра присела рядом с мальчиком.

— Илар, ты сможешь удержать круг закрытым, если мы спустимся?

Он посмотрел на трещины в полу.

— Не один.

Эра поняла не сразу.

Илар протянул руку к матери.

— Вместе.

Мира сжала его ладонь.

На мгновение воздух вокруг них дрогнул. Не вспышкой силы — тихим, ровным теплом. Пепел у их ног отступил на несколько пальцев, словно не мог приблизиться.

— Это не Узел, — прошептала Эра.

Дариан смотрел на них внимательно.

— Нет. Это связь без Печати.

Илар кивнул.

— Мама знает, что я — это я.

Слова прозвучали просто.

Но пепельная фигура у алтаря вздрогнула, будто от удара.

— Вы не понимаете, что делаете, — прогремела она. —
Отдельность рождает страх. Потерю. Войну. Смерть.

— А растворение рождает тебя, — ответила Эра.

Она поднялась.

Пепельная фигура рванулась к ним, но Дариан выставил ладонь. Серебристо-синие нити сплелись перед Эрой в плотный щит. Существо ударилось о него, и по часовне прошёл гулкий звон, будто треснул огромный колокол.

На миг Эра увидела внутри пепла лица.

Старик с дороги.

Девушка с косой.

Люди из Ланвика.

И десятки других — испуганных, растерянных, почти стёртых.

— Дариан, — сказала она. — Оно не просто собирает их. Оно уже носит их внутри.

— Я вижу.

— Мы не можем уничтожить его вместе с ними.

Он стиснул зубы.

— Тогда придётся разделить.

— Это возможно?

— Не знаю.

— Ты снова говоришь это так, будто это конец света.

— Для меня это обычно плохой знак.

Несмотря на всё, Эра коротко выдохнула — почти смехом.

Потом они вместе шагнули на лестницу.

Ступени уходили вниз.

Сначала часовня оставалась видимой над ними: слабый свет эфира, Мира, склонившаяся над Иларом, дрожащий щит Дариана, удерживающий пепельную фигуру. Затем поворот скрыл всё.

Остались только камень.

Холод.

И запах сидровой мяты.

Чем ниже они спускались, тем сильнее становился запах. Но теперь он был другим — не домашним, не тёплым. В нём чувствовалась влажная земля, прелые корни и сладковатая горечь, от которой першило в горле.

— Это не мята, — тихо сказала Эра.

— Нет.

— Тогда почему пахнет ею?

Дариан шёл рядом, касаясь пальцами стены. По камню пробегали тонкие светящиеся линии — он проверял структуру эфира, искал ловушки, разломы, чужие следы.

— Потому что оно использует память, — ответил он. — Запах — самый короткий путь к тому, что человек не умеет защищать.

— К дому.

— К утрате.

Эра посмотрела на него.

— К любви тоже.

Он замедлил шаг.

На его лице мелькнуло что-то почти болезненное.

— Поэтому оно и опасно.

Лестница закончилась неожиданно.

Перед ними открылся огромный зал.

Он был похож на подземный архив, только вместо стеллажей здесь стояли высокие каменные колонны. От каждой к другой тянулись тонкие тёмные нити, сплетаясь под потолком в бесконечную сеть.

На полу лежали книги.

Сотни, может быть, тысячи книг.

Одни были раскрыты, другие разорваны, третьи словно вросли в камень. Их страницы медленно шевелились, хотя ветра не было.

В центре зала стояла дверь.

Обычная деревянная дверь — слишком маленькая для этого огромного пространства. На ней не было замка, ручки или знака Ордена.

Только выцарапанное имя.

ЭЛИАН ВЭЙН.

Дариан остановился.

Эра почувствовала, как его пальцы сжались вокруг её руки.

— Это может быть подделка, — сказала она.

— Может.

— Оно знает, что мы придём сюда.

— Да.

— И всё же ты хочешь открыть.

Он не стал отрицать.

— Да.

Эра подошла ближе к двери, но не касалась её.

— Что ты помнишь о нём?

Дариан молчал.

Потом произнёс:

— Он ненавидел сидровую мяту.

Эра удивлённо посмотрела на него.

— Что?

На губах Дариана появилась очень слабая, почти забытая улыбка.

— Говорил, что она пахнет лекарством от всех болезней сразу. Наша мать сушила её зимой. Он прятал листья мне под подушку и уверял, что это поможет прогнать кошмары.

— Помогало?

— Нет. — Улыбка исчезла. — Но я делал вид, что да. Чтобы он не расстраивался.

Эра почувствовала, как в груди сжалось что-то тёплое и горькое.

— Если за дверью он, — сказала она, — он должен знать это.

— А если не знает?

— Тогда мы не откроем.

Дариан медленно перевёл взгляд на дверь.

— Ты хочешь устроить проверку воспоминанием?

— Нет. Я хочу, чтобы ты задал ему вопрос, который не может быть полезен существу, питающемуся болью.

Несколько секунд он не двигался.

Затем шагнул вперёд.

— Элиан, — позвал он.

Из-за двери раздался слабый шорох.

— Дар?

Дариан закрыл глаза.

— Что ты клал мне под подушку, когда я боялся грозы?

Тишина затянулась.

Эра увидела, как на стенах вокруг них медленно шевельнулись чёрные нити.

Потом голос за дверью ответил:

— Листья мяты.

Дариан не шелохнулся.

— Какой?

— Сидровой.

Эра выдохнула.

Но Дариан всё ещё смотрел в пустоту.

— И что ты говорил?

Голос стал тише.

— Что она пахнет лекарством, от которого можно умереть раньше, чем выздороветь.

Дариан закрыл глаза.

Его плечи дрогнули.

— Это он, — прошептал он.

В этот миг дверь сама распахнулась.

За ней не было комнаты.

Только узкий проход, залитый тусклым светом. В конце прохода сидел мужчина.

Он был прикован к стене тонкими чёрными нитями.

Худой. Измождённый. С тёмными волосами, в которых серебрилось слишком много седины. Его лицо было бледным, почти прозрачным.

Но глаза — серые, живые — смотрели прямо на Дариана.

— Ты вырос, — сказал Элиан.

Дариан сделал шаг.

Потом второй.

— Я искал тебя.

— Я знаю.

— Как?

Элиан слабо улыбнулся.

— Иногда ты говорил со мной во сне.

Дариан застыл.

Эра почувствовала, как Узел между ними отзывается холодом. Не ревностью. Не страхом.

Пониманием.

Все эти годы Дариан думал, что его ночные кошмары — это только Бездна. Что чужие голоса в темноте — лишь эхосилы, которая жила в нём.

Но один из этих голосов был настоящим.

— Почему ты не пришёл? — спросил он.

Вопрос прозвучал глухо.

Не обвинением.

Хуже.

Раной, которую слишком долго не решались тронуть.

Элиан опустил глаза.

— Я пытался.

Чёрные нити на его запястьях задрожали.

— Но Орден нашёл во мне то, чего не нашёл в тебе.

Дариан напрягся.

— Что именно?

Элиан поднял взгляд.

— Я мог слышать Связь. Ещё до того, как её разбудили.

В глубине подземного зала глухо зазвенело.

Колокол.

Не тот, что висел над часовней.

Этот был гораздо ниже.

Ближе к самой земле.

Книги на полу начали открываться одна за другой.

И из их страниц поднялся пепел.

Элиан побледнел.

— Она поняла, что ты нашёл меня.

— Кто — она? — спросила Эра.

Он посмотрел на неё.

— Не Связь.

Чёрные нити на стенах натянулись.

— Та, кто научила её голодать.

В темноте за колоннами кто-то медленно захлопал в ладони.

ГЛАВА 8. Та, кто научила голодать

Аплодисменты были тихими.

Размеренными.

Один удар ладоней о ладони — пауза. Второй. Третий.

Они раздавались из-за дальних колонн, где свет эфирного огонька не мог разогнать тьму. Пепел, поднявшийся из раскрытых книг, медленно кружил над каменным полом.

Эра почувствовала, как Дариан заслонил её собой.

— Кто здесь? — спросил он.

Аплодисменты прекратились.

Из темноты вышла женщина.

Она была высокой, стройной и одета в длинное платье цвета старого пепла. Ни мантии Ордена, ни знаков принадлежности, ни оружия. Только на её шее висел тонкий медальон — чёрный круг, перечёркнутый серебряной нитью.

Её волосы были совершенно белыми.

Не седыми.

Белыми, как пепел в свете луны.

Но лицо казалось молодым. Слишком молодым для глаз, в которых застыло что-то древнее и неподвижное.

— Дариан Вэйн, — произнесла она. — Ты всегда был упрямым ребёнком.

Он напрягся.

— Я тебя не знаю.

Женщина улыбнулась.

— Конечно, не знаешь. Тебе не позволили запомнить.

Эра почувствовала, как метка на запястье болезненно нагрелась.

— Ты из Ордена, — сказала она.

— Была.

— И ты знаешь, что происходит с этими людьми?

Женщина медленно прошла между колоннами. Чёрные нити на стенах расступались перед ней, словно не смели коснуться её одежды.

— Я знаю, что должно было произойти. А это, — она оглядела пепельный зал, — всего лишь последствия вашей самоуверенности.

Дариан поднял руку.

Эфирные нити вспыхнули между его пальцами.

— Ещё шаг — и я проверю, насколько ты смертна.

— Проверяй.

Он не двинулся.

Эра заметила это сразу.

Его сила тянулась к женщине, но нити не могли приблизиться к ней. В нескольких шагах от её тела они начинали

тускнеть, терять форму и рассыпаться тонким серым пеплом.

Женщина усмехнулась.

— Видишь? Бездна всё ещё помнит меня.

— Бездна ничего не помнит, — холодно ответил Дариан.

— О, она помнит всё. Это её проклятие.

Элиан, прикованный к стене, тяжело выдохнул.

— Не слушайте её.

Женщина повернула голову.

— Брат. Ты всё ещё жив. Какая трогательная ошибка.

Дариан посмотрел на Элиана.

— Ты знаешь её?

— Да, — ответил он. — Её зовут Севера.

Женщина слегка склонила голову, будто принимала пред-

ставление.

— Севера Арден. Последняя Архивистка Первичного Круга. Наставница Хранителей. Та, кому доверили сохранить знание о Материнской Печати.

Эра вспомнила слова Дариана.

Орден не создавал ничего. Он находил, отнимал и называл это своим наследием.

— Ты была там, когда Орден начал ломать Печать? — спросила она.

Севера посмотрела на неё.

— Я была там, когда люди впервые попытались сделать Связь безопасной.

— Превратив её в оружие?

— Превратив её в порядок.

Эра почувствовала отвращение.

— Это не одно и то же.

— Для тех, кто пережил хаос, — одно.

Севера остановилась перед одним из каменных столбов. На его поверхности были высечены десятки имён. Некоторые читались ясно. Другие почти исчезли, будто их пытались стереть не временем, а рукой.

— Вы видите этих людей? — спросила она. — Первые маги, которые слышали Связь. Они могли чувствовать чужую боль. Чужую радость. Смерть родных за сотни миль. Они не умели закрываться.

Она провела пальцем по одному из имён.

— Они сходили с ума. Тонули в чужом горе. Убивали себя, чтобы наконец перестать слышать.

— Поэтому вы решили стереть всех в одно сознание? — спросил Дариан.

— Нет. — Севера повернулась к нему. — Мы решили создать границы. Печати. Хранителей. Мы решили сделать так, чтобы связь была дозированной, управляемой, полезной.

— И отобрали для этого детей, — сказал Элиан.

Севера улыбнулась без тепла.

— Дети лучше переносят переплавку источника.

Тишина стала ледяной.

Эра почувствовала, как в Дариане поднимается ярость. Она не вспыхнула сразу — медленно расправила внутри него тёмные крылья. Васильковый свет в его глазах потемнел.

— Осторожно, — прошептала она, коснувшись его руки.

— Я в порядке.

— Это неправда.

— Я знаю.

Он посмотрел на Северу.

— Зачем ты здесь?

Она медленно обвела взглядом подземный зал.

— Потому что вы сделали то, чего не смогли сделать по-

коления до вас. Вы пробудили Первичную Связь. Не только её рану. Её память.

— Та пепельная тварь — рана? — спросила Эра.

— Да. Но не просто рана. — Севера прищурилась. — Когда первые хранители попытались разделить Связь на тысячи безопасных нитей, они отрезали от неё способность чувствовать утрату. Горечь. Одиночество. Отказ.

— Они отрезали от неё человечность, — тихо сказал Элиан.

— Они отрезали то, что делало её неуправляемой.

— И она начала голодать, — закончила Эра.

Севера посмотрела на неё с почти искренним интересом.

— Ты быстро учишься.

Эра почувствовала, как в груди сжимается холодный узел.

Теперь всё складывалось.

Связь не была создана, чтобы поглотить людей. Она со-

единяла их, но позволяла оставаться отдельными. Орден пытался сделать её инструментом и вырвал из неё всё, что мешало подчинению: боль, отказ, право быть одному.

Но то, что отвергли, не исчезло.

Оно стало голодом.

— «Та, кто научила её голодать», — повторила Эра. — Это ты.

Улыбка Северы стала тоньше.

— Я была одной из тех, кто понял необходимость.

— Необходимость чего? — Дариан сделал шаг вперёд. — Сделать из детей сосуды? Из людей — следы? Из любви — поводок?

— Не смей говорить со мной о любви, мальчик.

Впервые в голосе Северы прозвучала настоящая злость.

Чёрные нити на стенах вздрогнули.

— Ты думаешь, я не знала, что теряю? Я была связана с

сотнями людей. Я слышала, как они умирали. Каждый день. Каждый час. Я чувствовала, как гаснут их мысли. Как они зовут матерей, детей, любимых. Я просыпалась с чужой кровью во рту и засыпала с чужим страхом в голове.

Она сжала медальон на шее.

— Ты не знаешь, что значит не иметь ни одной мысли, которая принадлежит только тебе.

Эра медленно покачала головой.

— Нет. Но я знаю, что страх не даёт права решать за всех остальных.

Севера усмехнулась.

— Какая красивая фраза. Особенно от девушки, которая связала себя с Хранителем.

Метка Кровного Узла на запястье Эры вспыхнула.

— Я не связала его, чтобы владеть им.

— Конечно. Ты сделала это из любви. Все самые страшные цепи всегда создают именно так.

Дариан двинулся вперёд.

Но Элиан резко крикнул:

— Дар, нет!

В ту же секунду медальон на шее Северы раскрылся.

Чёрный круг разломился надвое.

Из него вырвались тонкие серые нити — десятки, сотни — и ударили в Дариана.

Эра не успела даже вдохнуть.

Нити обвили его запястья, горло, грудь. Одна вспыхнула у него над сердцем. Дариан рухнул на колени, стиснув зубы, но не издал ни звука.

— Дариан!

Эра бросилась к нему.

Севера подняла руку.

Между ними выросла прозрачная стена.

Эра ударила по ней эфиром — бело-золотая волна разошлась по поверхности, но не пробила её. Вместо этого метка на её руке обожгло так, что она вскрикнула.

— Не трогай его! — сказала Севера. — Ты уже сделала достаточно.

— Отпусти его.

— Он принадлежит Печати.

— Нет.

— Он был создан для неё.

— Нет!

Эра ударила снова.

На этот раз она не пыталась разрушить стену силой. Она закрыла глаза и почувствовала Кровный Узел.

Дариан был там.

Под серыми нитями.

Под чужой болью.

Под воспоминаниями, которые Севера пыталась вдавить в него.

Она почувствовала коридоры Ордена. Холодные руки. Ритуалы. Голоса взрослых, обсуждающих его, будто он не ребёнок, а сосуд с опасной жидкостью.

Слишком нестабилен.

Подходит для глубокой фиксации.

Если не выдержит — будет замена.

Дариан задыхался.

Эра не пыталась вытянуть его к себе.

Она сделала другое.

Она позвала.

Не приказом.

Не силой.

Просто именем.

— Дариан.

Его пальцы дрогнули.

— Дариан Вэйн. Слышишь меня?

Серые нити вспыхнули.

Севера нахмурилась.

— Он не слышит тебя.

— Слышит.

Эра прижала ладонь к прозрачной стене.

— Ты не ключ. Не Хранитель. Не сосуд. Ты — Дариан.

Васильковый свет вспыхнул в его глазах.

Сначала едва заметно.

Потом ярче.

Он поднял голову.

— Эра.

Стена между ними треснула.

Севера резко опустила руку, пытаясь удержать нити. Но Дариан уже схватил одну из них. Она обожгла его ладонь, оставляя чёрный след.

Он не отпустил.

— Ты ошиблась, Севера, — произнёс он хрипло. — Орден не сделал меня Хранителем.

Нити вокруг него натянулись.

Он поднялся.

Медленно.

Через боль.

— Он сделал меня тем, кто должен был умереть, чтобы его тайны не вышли наружу.

Серые нити вспыхнули чёрным огнём.

— Но я выжил.

Он дёрнул рукой.

Эфирные нити, прежде рассыпавшиеся рядом с Северой, вдруг переплелись с Кровным Узлом. Синие, алые и бело-золотые линии ударили в прозрачную стену.

Она разлетелась осколками света.

Эра оказалась рядом с ним.

Её ладонь легла на его ладонь — поверх чёрного ожога.

Их метки вспыхнули одновременно.

Севера отступила.

Впервые её лицо утратило спокойствие.

— Невозможно, — прошептала она.

— Возможно, — сказал Элиан.

Он смотрел на них из-за чёрных нитей, и в его серых глазах зажглось слабое отражение надежды.

— Вы не подчинили связь.

Дариан сжал пальцы Эры.

— Мы выбрали её.

Подземный зал задрожал.

Книги на полу начали гореть — не пламенем, а изнутри. Страницы покрывались алыми знаками, один за другим, будто пробуждались древние записи.

Севера посмотрела вверх, на сеть чёрных нитей под потолком.

И улыбнулась.

— Тогда вы сами откроете то, что я не могла открыть веками.

Эра почувствовала, как запах сидровой мяты становится удушающе сильным.

— Что ты сделала?

Севера подняла медальон.

Его расколотые половины соединились.

— Я позвала ту, кто должна была прийти.

Из глубины подземелий раздался звук.

Не звон.

Не голос.

Шаг.

Один тяжёлый шаг.

Потом второй.

Колонны задрожали.

Чёрные нити на стенах начали втягиваться в дальний про-

ход, откуда медленно поднимался белый пепел.

Элиан закрыл глаза.

— Она здесь.

Дариан крепче сжал руку Эры.

— Кто?

Севера смотрела в темноту почти благоговейно.

— Первая Хранительница.

ГЛАВА 9. Первая Хранительница

Шаги приближались медленно.

Каждый удар отдавался в камне, в книгах, в костях. Пепел на полу подскакивал тонкими серыми волнами и тянулся к дальнему проходу, словно хотел первым склониться перед тем, кто шёл из темноты.

Эра не видела фигуру.

Но чувствовала её.

Не через Узел.

Глубже.

Как чувствуют приближение грозы, когда воздух ещё неподвижен, а кожа уже знает: небо вот-вот разорвётся.

— Кто такая Первая Хранительница? — спросила она.

Севера не обернулась.

— Та, кого Орден называл предательницей.

Элиан у стены тихо рассмеялся. В этом смехе не было веселья.

— Орден всех называл предателями, если они отказывались умирать ради его порядка.

— Осторожнее, Элиан, — холодно сказала Севера. — Ты до сих пор жив лишь потому, что оказался полезен.

— Нет, — ответил он. — Я до сих пор жив, потому что вы боялись того, что я помню.

Шаг.

Из темноты показалась босая ступня.

Она коснулась пола — и чёрные нити, тянувшиеся между колоннами, рассыпались пеплом.

Потом появилась женщина.

На ней было простое длинное платье, когда-то белое, теперь покрытое серыми следами времени. Тёмные волосы спадали почти до колен и были вплетены тонкими нитями — золотыми, алыми, серебряными, чёрными. Не цепями. Не украшениями.

Шрамами.

Её лицо было спокойным.

Слишком спокойным для того, кто вышел из глубины, где не должно было выжить ничто живое.

Но глаза...

Глаза были разными.

Один — тёмно-синий, как море перед штормом.

Другой — светло-золотой, как пламя на сухих листьях.

Она остановилась в нескольких шагах от Северы.

И подняла взгляд.

Эра почувствовала, как Дариан рядом с ней напрягся.

— Ты жива, — произнесла Севера.

Женщина чуть наклонила голову.

— Нет.

Её голос был тихим.

Но от него в зале погасли все эфирные огни.

— Я помню, как была жива.

Севера сжала медальон.

— Значит, ты всё ещё можешь исполнить свою роль.

Впервые на лице женщины появилось выражение.

Печаль.

— Ты всё ещё не поняла, Севера.

— Я поняла больше, чем ты думаешь.

— Нет. — Женщина посмотрела на сеть нитей под потолком. — Ты поняла страх. И сделала его законом.

Пепельная фигура, оставшаяся в часовне наверху, будто услышала эти слова. Из разлома лестницы донёсся далёкий вой — сотни голосов, сплетённых в один.

Первая Хранительница закрыла глаза.

— Она голодна.

— Она опасна, — поправила Севера. — И потому должна быть заключена снова.

— Ты хочешь заключить не её. Ты хочешь заключить всех.

Севера медленно выпрямилась.

— Я хочу спасти мир.

— Как всегда.

Тишина между ними стала острой.

Эра не знала истории Первичной Связи. Не знала имени этой женщины. Но она узнавала их взгляд друг на друга.

Так смотрят не просто враги.

Так смотрят люди, которые когда-то были близки и однажды выбрали разные стороны одной катастрофы.

— Как вас зовут? — спросила Эра.

Женщина повернула к ней лицо.

На мгновение золотой глаз вспыхнул мягким светом.

— Моё имя было Иара.

— Было?

— Имена плохо живут там, где слишком много голосов.

Дариан сделал шаг вперёд.

— Ты была первой Хранительницей?

— Нет. — Иара посмотрела на него. — Я была первой, кто отказался ею быть.

Севера резко вскинула руку.

Серые нити вырвались из медальона, но не успели коснуться Иары. Женщина подняла ладонь, и нити остановились в воздухе.

Не разбились.

Не исчезли.

Просто замерли.

— Ты не сможешь удерживать меня вечно, — процедила Севера.

— Мне не нужно удерживать тебя, — ответила Иара. — Достаточно, чтобы ты перестала удерживать других.

Она сжала пальцы.

Серые нити развернулись и ударили не в Северу, а в колонны.

Камень треснул.

С высоты посыпались плиты, книги, пепел. Чёрная сеть под потолком натянулась, и Эра услышала крик — не один, а множество.

Люди.

Те, кого Связь уже успела захватить.

Старик с дороги. Девушка с косой. Мира. Илар. Незнакомые голоса из Ланвика. Люди, которых Эра никогда не видела, но которые теперь были вплетены в одну огромную, голодную рану.

— Что ты сделала? — крикнула Эра.

— Открыла вам правду, — сказала Иара.

Колонны вокруг них стали прозрачными.

Внутри каждой были не каменные прожилки, а человеческие силуэты.

Одни сидели, обняв колени. Другие стояли, прижав ладони к невидимому стеклу. Кто-то плакал. Кто-то беззвучно кричал.

Элиан закрыл глаза.

— Архив.

— Не архив, — сказал Дариан. Его голос стал глухим. — Хранилище.

Севера улыбнулась.

— Вот и всё. Теперь вы понимаете.

— Это были люди, — прошептала Эра.

— Это были риски, — отрезала Севера. — Носители нестабильной связи. Те, кто слышал слишком много, чувствовал слишком сильно, не подчинялся Печати. Их нельзя было отпустить.

— Поэтому вы замуровали их здесь?

— Поэтому мы сохранили их.

Иара посмотрела на Северу с такой усталой ненавистью, что Эра невольно задержала дыхание.

— Ты не сохранила их, — сказала она. — Ты оставила их слушать друг друга, пока не стёрлись границы между головами.

— Они могли разрушить мир.

— И ты разрушила их первой.

Пепел взметнулся.

Из одной прозрачной колонны ударила ладонь.

Затем из другой.

Третьей.

Трещины побежали по камню, разрастаясь, словно сеть тёмных корней.

— Дариан, — быстро сказала Эра. — Если колонны рухнут, все эти люди...

— Я знаю.

Он поднял руки.

Эфирные нити вырвались из его ладоней, но теперь они не были похожи на привычные острые лезвия. Дариан сплетал их медленно, осторожно, направляя к трещинам в колоннах.

Синие нити ложились поверх чёрных.

Но едва он коснулся первой колонны, его лицо исказилось.

Эра почувствовала это через Узел.

Чужую память.

Женщина в белом платье стояла у моря и звала дочь, которой больше не было.

Мужчина держал в руках медальон и не мог вспомнить лица жены.

Ребёнок прятался под столом, пока взрослые вокруг говорили голосами мёртвых.

Дариан пошатнулся.

— Не забирай это в себя, — сказала Эра.

— Я не забираю.

— Тогда что ты делаешь?

Он тяжело вдохнул.

— Слушаю.

Севера рассмеялась.

— Вот именно так всё и начинается.

Но Иара покачала головой.

— Нет. Именно так всё могло бы закончиться иначе.

Она подошла к Эре.

— Ты чувствуешь его?

Эра посмотрела на Дариана.

Он стоял среди падающего пепла, удерживая десятки чужих нитей. Его плечи дрожали. Свет в глазах стал ярче, но за ним уже поднималась опасная чернота.

— Да.

— Не тяни его назад.

— Если я не помогу, он утонет.

— Тогда не тащи. Встань рядом.

Эра не поняла.

Иара взяла её за запястье.

Её пальцы были ледяными, но метка Кровного Узла не вспыхнула болью. Напротив — в ней разлилось тихое тепло.

— Связь не должна проходить через одного Хранителя,
— сказала Иара. — И не должна принадлежать всем сразу.
Она должна иметь берега.

— Как?

— Каждый должен помнить, где заканчивается он сам.

Колонна справа треснула громче.

Изнутри ударил поток чёрного пепла.

Дариан резко вскинул руку, удерживая его эфиром, но в этот миг его нити дрогнули. Один из чужих голосов прорвался через него:

— Не уходи...

Другой:

— Я не хочу быть одна...

Третий:

— Верни его...

Эра увидела, как Дариан закрывает глаза.

Она поняла.

Он пытался выдержать их всех один.

Как всегда.

— Дариан! — позвала она.

Он не ответил.

Эра шагнула к нему.

— Я здесь.

Севера резко повернулась.

— Не смей.

— Ты хотела, чтобы мы открыли это, — сказала Эра. —
Значит, теперь посмотри, что будет дальше.

Она коснулась руки Дариана.

Кровный Узел отозвался светом.

Но Эра не впустила в себя весь поток чужих голосов. Не
позволила им стать её болью, её памятью, её именем.

Она сделала то, чему научилась у Дариана за всё время
их связи.

Осталась собой.

— Слушай меня, — сказала она.

Его ресницы дрогнули.

— Я слышу.

— Не их всех. Меня.

— Эра...

— Ты не обязан быть для них сосудом. Не обязан стать дверью. Не обязан спасать всех, стирая себя.

Его пальцы сжались вокруг эфирных нитей.

— Тогда как?

Она посмотрела на прозрачные колонны.

На людей внутри.

На тысячи перепутанных нитей.

— Пусть каждый назовёт себя.

Дариан открыл глаза.

— Что?

— Ты слышишь их. Не как единый шум. Найди в каждом то, что принадлежит только ему.

Севера побледнела.

— Это невозможно.

Иара впервые улыбнулась.

— Нет. Это трудно.

Эра повернулась к первой колонне.

Внутри стояла женщина в белом платье. Её губы шевелились, но звука не было.

— Как тебя зовут? — спросила Эра.

Женщина замерла.

Чёрный пепел вокруг неё закружился быстрее.

— Как тебя зовут? — повторила Эра.

Женщина медленно подняла голову.

Её губы дрогнули.

— Лиора, — прошептала она.

Колонна вспыхнула мягким золотым светом.

Одна из чёрных нитей оборвалась.

Дариан резко вдохнул.

— Лиора, — повторил он.

Нить в его ладони стала золотой.

Она не исчезла.

Но перестала тянуть его вниз.

Эра повернулась к следующей фигуре.

Молодой мужчина с медальоном на шее стоял, закрыв ли-

цо руками.

— Как тебя зовут?

Он не отвечал.

Пепел поднялся вокруг него плотной стеной.

— Как тебя зовут? — громче спросила Эра.

Мужчина всхлипнул.

— Рен.

Ещё одна золотая вспышка.

Ещё одна чёрная нить стала светлой.

Дариан выпрямился.

Он смотрел уже не в пустоту.

На каждого.

— Лиора, — произнёс он. — Рен. Я слышу вас.

Колонны начали дрожать.

В глубине зала пепельная фигура завывала.

Севера отступила на шаг.

— Нет, — прошептала она. — Вы не понимаете. Если они вспомнят себя, Связь снова станет неконтролируемой.

— Она станет живой, — ответила Иара.

— Она станет хаосом!

— Нет. Она станет выбором.

Одна из колонн лопнула.

Но вместо потока чёрного пепла из неё вышла женщина в белом.

Лиора.

Она упала на каменный пол, задыхаясь, но её глаза были ясными.

— Моё имя, — прошептала она. — Я помню.

Вторая колонна треснула.

Третья.

Из них не вырывалась тьма.

Из них возвращались люди.

Севера подняла медальон обеими руками.

— Если вы не хотите порядка, получите пустоту.

Чёрный круг на её шее вспыхнул.

Земля под ногами разошлась.

Из глубины поднялась пепельная фигура — та самая, что ждала в часовне. Теперь она была огромной. Её голова касалась сводов, а внутри дымчатого тела кричали сотни лиц.

Она протянула руки к освобождённым колоннам.

— Они мои.

Иара побледнела.

— Нет, — сказала она. — Она уже не просто голод.

Эра почувствовала, как Дариан стиснул её ладонь.

— Что это значит?

Иара посмотрела на пепельное существо.

В её золотом глазу вспыхнула тревога.

— Это значит, что кто-то дал ей тело.

Севера улыбнулась.

И в этой улыбке не осталось ни страха, ни сожаления.

— Я дала ей цель.

Пепельная фигура раскрыла грудь.

Внутри, среди чёрных нитей и чужих лиц, билось огромное сердце.

Тёмно-алое.

Слишком знакомое.

Эра увидела на нём знак Кровного Узла.

Такой же, как на её запястье.

Такой же, как у Дариана.

И существо произнесло голосом, в котором смешались сотни чужих голосов:

Теперь я знаю, кого выбрать первым.

ГЛАВА 10. Сердце, которое выбрало
Пепельное сердце билось.

Медленно.

Тяжело.

Каждый удар отдавался в полу под ногами, в сводах подземного зала, в метке на запястье Эры. Тёмно-алый знак в груди существа пульсировал в том же ритме, что и её собственное сердце.

Раз.

Боль вспыхнула под кожей.

Два.

Дариан резко вдохнул рядом с ней.

Три.

По камню поползли чёрные трещины.

— Не смотри на него, — тихо сказал он.

— Оно связано с нами.

— Именно поэтому не смотри.

Но Эра уже смотрела.

Внутри огромной пепельной фигуры не было единого тела. Там двигались лица, руки, силуэты людей, которых Связь успела поглотить. Старик с дороги. Девушка с косой. Лица из Ланвика. Те, кто был заключён в колоннах веками.

И между ними — она.

Не настоящая Эра.

Её отражение.

Пепельная девочка с её лицом стояла в самом центре сердца и держала за руку такого же пепельного Дариана.

— Ты дала мне форму, — произнесло существо.

Голос шёл отовсюду.

От сердца.

От трещин в полу.

От чужих людей, которые поднимались с камней и пытались вспомнить свои имена.

— Я ничего тебе не давала.

— Ты выбрала связь. Ты назвала её спасением. Ты позволила ей пережить Падение Небес.

Эра почувствовала холод.

Существо не лгало.

Их Кровный Узел действительно пережил Монолит. Он изменился вместе с ними. Стал сильнее. Глубже. И, возможно, именно поэтому древняя рана Связи смогла почувствовать их.

Не как случайных магов.

Как образец.

Как дверь.

Севера медленно отступала к дальнему проходу. Она больше не пыталась скрыть удовлетворение.

— Ты хотела понять, что я сделала, Эра? — спросила она.
— Вот ответ. Орден ошибался, пытаясь подавить Связь. Но и Иара ошибалась, веря, что её можно оставить свободной.

— А ты считаешь, что нашла третий путь? — спросила Эра.

— Нет. — Севера улыбнулась. — Я перестала верить в пути. Есть только сила, которую берут, и слабость, которая просит позволения.

Дариан двинулся к ней.

Пепельная фигура ударила рукой.

Воздух взорвался.

Эра успела выставить щит, но удар оказался таким сильным, что их отбросило к колонне. Камень за спиной треснул. Светлые нити Дариана рванулись вперёд, пытаясь удержать существо, однако пепел обвился вокруг них и потянул обратно.

Дариан пошатнулся.

Чёрные тени пробежали по его шее.

— Дариан!

— Не подходи.

— Даже не начинай.

Она схватила его за плечо.

Через Узел в неё хлынул поток чужих чувств.

Страх Лиоры, которая увидела себя молодой и снова потеряла дочь.

Боль Рена, не помнившего лица жены.

Ужас Миры, оставшейся наверху с Иларом.

И ещё сотни, тысячи голосов.

Эра едва не упала.

Дариан удержал её.

— Оно тянет их через нас, — сказал он сквозь зубы.

— Тогда нужно оборвать связь.

— Нет.

Он посмотрел на пепельное сердце.

— Ему это и нужно. Если мы оборвём Узел резко, оно заберёт высвободившуюся силу.

Иара подошла к ним. Теперь в её лице не осталось прежнего спокойствия. Золотой глаз светился тревожно, а меж-

ду вплетёнными в волосы нитями проступали тонкие чёрные прожилки.

— Оно выбрало вас не потому, что вы сильнее остальных, — сказала она. — А потому, что вы доказали: связь может существовать без подчинения.

— Прекрасно, — хрипло произнёс Дариан. — Мы стали образцовой угрозой.

— Вы стали тем, чего оно не может понять.

Эра с трудом выпрямилась.

— Тогда почему оно хочет нас поглотить?

Иара посмотрела на пепельное сердце.

— Потому что голод всегда пытается уничтожить то, что напоминает ему о целостности.

Существо снова ударило.

На этот раз его рука не коснулась пола. Она рассыпалась пеплом и превратилась в сотни тонких нитей. Они полетели к Эре и Дариану, свиваясь в чёрную сеть.

Дариан вскинул обе руки.

— Эра, сейчас!

Она поняла без слов.

Их магия встретилась.

Её эфир — светлый, тёплый, бело-золотой — поднялся от метки и разлился по воздуху. Эфир Дариана — глубокий, иссиня-серебряный — вплёлся в него, не подавляя, не поглощая, а удерживая форму.

Сеть ударилась о их общий щит.

Мир взорвался звуком.

Эра услышала крик.

Не свой.

Северы.

Чёрные нити, которыми пепельное существо пыталось достать их, рикошетом метнулись назад и впились в медальон

у неё на шее.

Женщина резко схватилась за горло.

— Нет...

Её спокойствие исчезло.

Впервые Эра увидела в ней панику.

— Оно не должно было... — Севера тяжело задышала. — Я дала ему цель. Не власть.

— Ты дала голоду повод назвать себя спасением, — сказала Иара.

Пепельное сердце забилось быстрее.

Раз.

Два.

Три.

Медальон Северы начал темнеть.

Из трещин в чёрном круге потянулись тонкие алые нити. Они обвили её запястья, лодыжки, шею — точно так же, как минутами раньше обвивали Дариана.

— Севера! — крикнула Эра.

Иара резко повернула к ней голову.

— Не подходи.

Но Эра уже сделала шаг.

Севера подняла на неё взгляд.

В нём больше не было холодной Архивистки. Только женщина, которая внезапно услышала то, от чего пыталась защититься целую жизнь.

Тысячи голосов.

Чужие потери.

Чужая боль.

Чужие имена.

— Я не могу... — выдохнула она. — Я не могу снова.

— Ты не должна принимать их всех, — сказала Эра.

— Ты ничего не понимаешь.

— Возможно. Но я понимаю, что сейчас оно делает с тобой то же, что ты позволила делать с другими.

Севера горько рассмеялась.

— И ты всё равно хочешь меня спасти?

— Я не хочу, чтобы оно победило.

Ответ оказался честнее, чем милосердие.

Севера закрыла глаза.

Нити на её горле натянулись.

— Тогда слушай, девочка. Сердце нельзя уничтожить.

— Почему?

— Потому что это не сердце. — Она с трудом вдохнула.

— Это Улей.

Дариан резко обернулся.

— Что?

— Каждый, кого Связь лишила имени, каждая неразделённая боль, каждый голос, который никто не услышал...

— Севера закашлялась, и на губах у неё выступила чёрная кровь. — Всё осело там. Оно построило себе тело из отказа.

Эра посмотрела на пепельную фигуру.

Теперь она видела.

Её сердце не было органом.

Это был клубок из тысяч нитей — чёрных, серых, алых. В каждой мерцали обрывки лиц, голосов, воспоминаний.

— Если разрушить Улей, — продолжила Севера, — все, кто в нём, исчезнут.

— А если оставить?

— Он будет расти.

Существо наклонилось к ним.

Его пепельное лицо оставалось безликим, но Эра чувствовала направленный на неё взгляд.

— Я не хочу расти, — прошептало оно.

В голосе больше не было ярости.

Только бесконечная усталость.

— Я хочу перестать слышать пустоту.

Эра застыла.

Дариан медленно опустил руку.

— Не верь ему, — предупредила Иара.

— Я не верю, — ответила Эра. — Но я слышу.

Существо дрогнуло.

— Они отрезали меня. Оставили здесь. Без имён. Без лиц. Без права отказаться.

Пепел в его груди закружился быстрее.

— Я звал. Никто не отвечал.

— Ты отвечал, забирая людей, — сказал Дариан.

— Я не знал другого способа.

— Теперь знаешь, — произнесла Эра.

Севера открыла глаза.

— Нет. Не смей.

Эра повернулась к ней.

— Ты боишься, что я предложу ему свободу?

— Я боюсь, что ты предложишь ему надежду. Это хуже.

— Почему?

Севера смотрела на неё с отчаянием.

— Потому что надежда всегда требует цены.

Дариан сделал шаг к Эре.

— Она права.

— О чём ты?

Он посмотрел на Улей.

— Если это действительно отрезанная часть Связи, её нельзя просто изгнать. Нельзя сжечь. Нельзя запечатать так, как делал Орден.

Эра медленно поняла.

— Её нужно вернуть.

— Да.

— В Первичную Связь.

Иара кивнула.

— Но не через одного Хранителя. И не через принуждение.

Пепельная фигура стала ниже.

Её огромные плечи осыпались серыми хлопьями.

— Я не помню, как вернуться.

Эра взглянула на колонны.

На Лиору, которая стояла, держась за треснувший камень.
На Рена. На других освобождённых людей, которые с ужасом
и надеждой смотрели на пепельное существо.

— Они помнят, — сказала она.

Дариан нахмурился.

— Эра...

— Не всё сразу. Не как одна масса. Каждый — только себя. Свою боль. Своё имя. Своё право сказать «нет».

Севера судорожно качнула головой.

— Это уничтожит систему Печатей.

— Хорошо.

— Вы не понимаете, сколько людей погибнет без контроля!

— Люди уже погибали из-за твоего контроля, — сказал Дариан.

Севера посмотрела на него.

— И ты готов оставить мир без Хранителей?

Дариан молчал.

Эра почувствовала его колебание.

Не потому, что он хотел сохранить власть Ордена. Потому что он слишком хорошо знал, что бывает, когда Бездна выходит из-под контроля. Он видел смерть. Видел Монолит. Видел, как сила превращает людей в оружие — даже когда они не хотят этого.

— Нет, — произнёс он наконец. — Я готов оставить мир без тех, кого заставляют быть Хранителями.

Пепельная фигура издала звук, похожий на вздох.

Улей внутри неё забился быстрее.

Чёрные нити потянулись к колоннам.

Но теперь не как оружие.

Как руки человека, который не знает, можно ли ему прикоснуться.

Эра шагнула вперёд.

— Стой.

Существо замерло.

— Ты не заберёшь никого.

— Тогда как мне вернуться?

— Спроси.

Тишина.

— Что?

— Спроси каждого, хочет ли он вернуть свою нить.

Севера вскрикнула:

— Ты сошла с ума!

Но Эра уже смотрела на Лиору.

— Лиора. Ты хочешь, чтобы твоя связь с другими была твоим выбором?

Женщина дрожала.

Её лицо было мокрым от слёз.

— Я хочу помнить дочь, — прошептала она. — Но не хочу снова умереть вместе с ней.

Эра кивнула.

— Тогда ты можешь помнить. И остаться здесь.

Тонкая золотая нить поднялась от груди Лиоры. Она не тянулась к Улью. Она остановилась в воздухе, ожидая.

Эра повернулась к Рену.

— Рен?

Он сжал в ладони медальон.

— Я хочу помнить её лицо, — сказал он. — И хочу, чтобы чужая боль не стала моей жизнью.

От него поднялась вторая золотая нить.

Одна за другой люди называли себя.

Не все.

Кто-то молчал.

Кто-то плакал.

Кто-то говорил, что не готов.

И это тоже было ответом.

Улей слушал.

Пепельная фигура дрожала, рассыпаясь по краям.

— Я... могу не брать?

— Можешь, — ответила Иара.

— Могу ждать?

— Можешь.

— Могу быть не один — и не быть всеми?

Эра почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Да.

Существо наклонило голову.

И впервые его пепельное лицо начало меняться.

Черты не складывались в одно конкретное лицо. Они становились множеством лиц, но теперь не растворялись друг в друге. Старик с дороги. Девушка с косой. Илар. Лиора. Рен.

Все разные.

Все отдельные.

Севера рванулась вперёд.

— Нет!

Её медальон вспыхнул чёрным светом.

— Если Улей распадётся, вы откроете все Печати. Все старые барьеры. Всё, что удерживало мир!

Дариан поднял руку.

— Севера, не надо.

— Ты не можешь знать, что будет!

— Нет, — ответил он. — Но ты не можешь снова решить это за всех.

Она посмотрела на него.

На миг в её лице мелькнуло что-то человеческое.

Усталость.

Страх.

Почти сожаление.

Потом она сжала медальон.

— Тогда пусть мир увидит, почему ему были нужны чудовища.

Чёрный круг раскрылся.

Из него ударил тонкий луч — прямо в сердце Улья.

Пепельное существо закричало.

Все золотые нити в воздухе дёрнулись.

Эра увидела, как Дариан бросается вперёд, но поздно.

Улей вспыхнул тёмно-алым светом.

И в этот миг каждая Печать в подземном зале ожила.

На стенах.

На книгах.

На колоннах.

На запястье Эры.

На руке Дариана.

И далеко наверху, над Чёрным Вереском, разомкнутый знак в небе загорелся снова.

ГЛАВА 11. Печати, которые помнят

Свет не был ярким.

Он был чужим.

Тёмно-алые линии вспыхнули на коже Эры, в трещинах камня, на корешках древних книг. Они поднялись со стен тонкими прожилками, пересеклись над головами и на мгновение превратили подземный зал в гигантскую клетку.

Каждая Печать отвечала другой.

Каждая помнила.

Эра схватилась за запястье.

Метка Кровного Узла горела так, будто раскалённый металл вдавливали ей под кожу. Рядом Дариан резко согнулся, стиснув зубы. Чёрные тени взвились по его руке, добираясь

до шеи.

— Не дай ей разделить нас, — выдохнул он.

— Она не разделяет, — сказала Иара.

Её голос звучал напряжённо, но ровно.

— Она пытается вернуть старый порядок.

Севера стояла у края провала, подняв медальон над головой. Тёмный луч продолжал бить в Улей. Пепельное существо корчилось, теряя форму: его лица вспыхивали одно за другим, будто кто-то листал книгу слишком быстро.

Лиора упала на колени.

Рен закричал.

Золотые нити, которые только что поднялись от них, стали алыми и натянулись в сторону Улья.

— Она забирает их обратно! — крикнула Эра.

— Не обратно, — ответил Дариан.

Он поднял взгляд.

Васильковый свет в его глазах почти исчез под чернотой.

— Она вплетает их в Печати.

Севера рассмеялась.

Звук получился надломленным, почти безумным.

— Наконец-то ты понял. Связь должна иметь стены. Имена должны быть закреплены. Боль должна быть заперта там, где не сможет заразить остальных.

— Ты говоришь о людях, как о болезни, — сказал Элиан.

Он всё ещё был прикован к стене, но чёрные нити, удерживавшие его, постепенно таяли. Серые искры стекали по его запястьям и падали на камень.

Севера не посмотрела на него.

— Я говорю о выживании.

— Нет, — тихо произнесла Иара. — Ты говоришь о страхе.

Медальон на шее Северы вспыхнул сильнее.

От него во все стороны разошлись тонкие чёрные линии. Они ударили в раскрытые книги на полу, и страницы взлетели в воздух. На каждой проступали имена — сотни имён, перечёркнутых чёрной печатью.

Эра узнала знак.

Печать Отказа.

Она видела её только однажды — на листах, найденных в сгоревшем архиве Ордена. Её накладывали на тех, чью память считали опасной. На магов, слышавших слишком много. На детей, которые не прошли ритуалы.

На людей, которых хотели сделать тише.

— Все старые Печати связаны с Ульем, — прошептала она.

Иара кивнула.

— Улей питал их веками. Каждый раз, когда Орден отрезал человека от его боли, памяти или силы, часть этого ухо-

дила сюда.

— Значит, если Улей разорвётся...

— Все Печати откроются.

Внутри Эры стало пусто.

Она представила, сколько таких Печатей оставалось в мире. Скрытых в хранилищах, часовнях, старых школах. На телах тех, кто даже не помнил, что с ними сделали. В артефактах. В крови семей, поколениями считавших свои странные сны проклятием.

— И что тогда будет? — спросила она.

Иара смотрела на светящиеся линии.

— Мир услышит то, что слишком долго заставляли молчать.

Севера резко повернулась.

— И сгорит.

— Возможно, — ответила Иара. — Но это не даёт тебе

права держать его в клетке.

Улей вскрикнул.

Его пепельное тело разорвало пополам. Из тёмно-алого сердца хлынул поток чёрных нитей, и они устремились не к людям, а к Эре и Дариану.

Дариан встал перед ней.

— Не трогай её.

Нити остановились.

Существо больше не говорило сотнями голосов.

Теперь оно говорило одним.

Тихим.

Испуганным.

— Я не хочу снова быть запертой.

Эра застыла.

— Тогда не позволяй ей сделать это, — сказала она.

— Я не умею.

— Умеешь. Ты уже не забрала Лиору. Не забрала Рена. Ты спросила.

— Я не спрашивала. Ты заставила меня ждать.

— И ты смогла.

Пепельная фигура дрожала.

Тёмно-алый свет продолжал бить в её сердце, разрывая его изнутри.

— Больно.

Дариан посмотрел на Эру.

Она увидела в его лице то же понимание.

Севера не пыталась вернуть старую систему.

Она пыталась снова сделать Улей голодной раной — достаточно безумной и опасной, чтобы все согласились на

прежние цепи.

— Она хочет, чтобы Улей сорвался, — сказал Дариан. — Тогда она сможет доказать, что свобода невозможна.

— Да, — прошептала Иара. — И у неё почти получилось.

Эра подняла руку.

— Улей.

Пепельная фигура повернулась к ней.

— Я слышу.

— Ты можешь различить голос Северы?

Существо молчало.

— Она звучит как приказ.

— А мой?

Пепел вокруг неё дрогнул.

— Как... выбор.

— Тогда выбери.

Севера побледнела.

— Не смей.

— Не ты, — сказала Эра, глядя на Улей. — Я говорю не с тобой.

Метка Кровного Узла вспыхнула.

Эра почувствовала Дариана рядом — его страх, боль, готовность снова принять удар на себя. Она коснулась его запястья.

— Не удерживай меня.

Он стиснул зубы.

— Я не могу обещать этого.

— Можешь. Ты уже учишься.

Он посмотрел на неё.

Потом медленно убрал ладонь от эфирных нитей, которыми был готов закрыть её щитом.

— Я рядом.

— Этого достаточно.

Эра шагнула к Улью.

Пепельные нити метнулись к ней, но остановились в нескольких пальцах от кожи. Они дрожали, словно не знали, имеют ли право касаться.

— Ты не обязана стать частью Северы, — сказала Эра. — И не обязана стать частью меня.

Улей склонил голову.

— Тогда чем мне быть?

Эра вспомнила слова Иары:

Связь должна иметь берега.

Она взглянула на освобождённых людей. На Лиору, всё ещё стоявшую на коленях. На Рена, крепко сжимавшего ме-

дальон. На Элиана у стены. На Дариана.

— Быть тем, кто соединяет, когда его зовут, — ответила она. — И отпускает, когда его просят.

— А если меня не позовут?

— Тогда ты будешь ждать.

— Одна?

Эра медленно покачала головой.

— Не одна. Но отдельно.

Тёмно-алое сердце дрогнуло.

В нём проступили лица.

Не растворённые.

Не кричащие.

Они смотрели друг на друга, как люди, которые впервые за очень долгое время услышали не общий шум, а собственное дыхание.

Севера закричала.

Её медальон треснул.

— Ты не понимаешь, что создаёшь! — крикнула она. — Связь без контроля станет слабостью! Люди будут просить её вернуть мёртвых! Будут требовать чужую боль, чужую память, чужую силу!

— Конечно, будут, — сказала Эра. — Поэтому связь должна уметь говорить «нет».

Пепельное существо вздрогнуло.

Впервые его голос прозвучал твёрдо:

— Нет.

Тёмный луч, бивший из медальона, оборвался.

Севера пошатнулась.

Чёрный круг в её руке рассыпался осколками. Те упали на камень и стали пеплом.

Печати на стенах вспыхнули ещё раз.

Но теперь алые линии не сходились в клетку.

Они расходились.

Каждая — к своему имени.

Книги на полу захлопнулись одна за другой. Чернильные печати на страницах выцвели. Колонны, в которых веками держали людей, начали разрушаться — медленно, без взрыва, освобождая тех, кто всё ещё мог вернуться.

Севера смотрела вокруг, тяжело дыша.

— Вы обрекли нас.

— Нет, — сказал Дариан. — Мы вернули вам ответственность.

Она подняла на него взгляд.

— Ты думаешь, это милосердие?

— Нет.

Он подошёл ближе.

Эфирные нити больше не были похожи на оружие. Но они окружили Северу, не оставляя пути к бегству.

— Милосердие — это то, чего ты не дала никому.

Севера посмотрела на Иара.

— Ты позволишь ему судить меня?

Иара долго молчала.

— Нет, — ответила она. — Я не позволю никому стать тобой.

Севера усмехнулась.

— Красивые слова. Но что вы сделаете? Отпустите меня?

— Нет, — сказала Эра.

Севера повернула к ней голову.

— Тогда чем вы лучше?

Эра подошла ближе.

— Мы не будем стирать твоё имя, твою память или твою боль. Не сделаем из тебя сосуд. Ты останешься живой и будешь отвечать за то, что сделала.

Впервые Севера отвела взгляд.

— Для некоторых это хуже смерти.

— Возможно, — тихо ответила Эра. — Но это всё ещё не оправдание смерти.

Подземный зал содрогнулся.

Где-то наверху раздался звон колокола.

Один удар.

Потом второй.

Элиан резко поднял голову.

— Часовня.

Иара посмотрела вверх, сквозь каменный свод.

Её лицо побледнело.

— Печати откликаются не только здесь.

Эра почувствовала это почти сразу.

Через Кровный Узел.

Не болью.

Далёким, тонким эхом.

Сотни голосов.

Тысячи.

Люди по всему побережью просыпались с чужими воспоминаниями. Старые метки раскрывались под кожей. Спящие артефакты отзывались. Часовни и архивы, давно считавшиеся пустыми, начинали дышать пеплом.

Но среди этого хаоса она услышала другой голос.

Миру.

Паника.

— Илар!

Эра побледнела.

— Он наверху.

Дариан уже двигался к лестнице.

— Бежим.

Они поднялись по ступеням почти бегом.

За ними шли освобождённые люди. Лиора, Рен, те, кто ещё мог держаться на ногах. Элиан оставался прикованным — Дариан на мгновение остановился, чтобы рассечь последние чёрные нити, и брат едва не упал ему на плечо.

Они посмотрели друг на друга.

Слишком много лет — для слов.

— Потом, — глухо сказал Дариан.

Элиан кивнул.

— Потом.

Когда они выбежали в часовню, мир уже менялся.

Пепельная фигура исчезла.

Круг на полу был пуст.

Но двери часовни стояли распахнутыми, а за ними не было ни дороги, ни мёртвого поля вереска.

Только море.

Чёрное, неподвижное, поднявшееся до самого порога.

На поверхности воды, в нескольких шагах от входа, стоял Илар.

Босой.

Маленький.

С тёмной нитью, вновь проступившей на запястье.

Мира была на коленях у двери и кричала его имя.

А над морем, там, где должно было быть небо, медленно открывалась вторая разомкнутая Печать.

ГЛАВА 12. Вторая Печать

Море стояло неподвижно.

Не волновалось. Не дышало. Не разбивалось о скалы.

Оно поднялось до самого порога часовни чёрной гладкой стеной, и на его поверхности, в нескольких шагах от Мирных вытянутых рук, стоял Илар.

Босой.

Маленький.

Слишком неподвижный.

— Илар! — голос Миры сорвался. — Сынок, иди ко мне. Пожалуйста.

Мальчик не обернулся.

Он смотрел вверх.

Туда, где над морем медленно раскрывалась вторая разомкнутая Печать.

Тёмно-алые линии проступали в свинцовом небе одна за другой. Они не горели — скорее, проступали сквозь сам воздух, как кровеносные сосуды под тонкой кожей. Знак был больше первого. Его края уходили за горизонт, а нити, расходящиеся от разомкнутого круга, тянулись вниз, к чёрной воде.

— Это не Печать, — прошептала Иара.

Эра повернулась к ней.

— Но она выглядит так же.

— Потому что Печати всегда были попыткой повторить её форму.

Дариан шагнул к порогу.

Ветер, которого не было, дёрнул край его плаща.

— Тогда что это?

Иара смотрела на небо.

В её разномастных глазах отражался алый свет.

— Первый разлом.

— Что это значит? — спросил Элиан.

Иара медленно перевела взгляд на море.

— Значит, раньше Связь не жила в мире. Мир жил внутри неё.

Тишина стала плотной.

Эра почувствовала, как метка на её запястье холодеет.

— Ты говоришь так, будто это место существовало раньше всего остального.

— Так и есть, — ответила Иара. — Первый Узел не был создан магами. Он был границей между отдельностью и растворением. Между памятью, которая принадлежит тебе, и памятью, которая принадлежит всем.

— А Орден? — глухо спросил Дариан.

— Орден нашёл осколки этой границы. И решил, что может владеть ими.

Снаружи Илар медленно поднял руку.

Чёрная нить на его запястье стала ярче.

Мира всхлипнула.

— Илар, посмотри на меня.

Мальчик повернул голову.

Его глаза были серыми.

Обычными.

Но в них отражалось не море.

В них отражались люди.

Сотни лиц, сменяющих друг друга так быстро, что Эра едва могла различить отдельные черты.

— Мама, — сказал Илар.

Голос прозвучал одновременно близко и далеко.

Как будто он стоял не на поверхности воды, а на другом берегу огромной пустоты.

— Я слышу их.

Мира поднялась на ноги.

— Кого, милый?

— Тех, кого разбудили.

Дариан резко напрягся.

— Не отвечай им.

Илар посмотрел на него.

— Я не отвечаю. Они просто боятся.

Чёрная вода под его ногами дрогнула.

На её поверхности появились круги.

Один.

Второй.

Третий.

Потом из глубины всплыли огни.

Сначала Эра решила, что это отражения Печати. Но огни двигались против течения, которого не существовало. Они поднимались к поверхности медленно, мерцая тусклым синим светом.

Десятки.

Сотни.

— Это души? — выдохнула Мира.

— Нет, — сказал Дариан.

Его голос стал жёстким.

— Это источники.

Под чёрной водой вспыхивали магические ядра.

Чужие силы.

Чужие воспоминания.

То, что столетиями было запечатано в Печати Отказа, теперь отзывалось на пробуждение Улья. Илар слышал не мёртвых.

Он слышал живых, связанных с древними разломами.

— Они зовут меня, — прошептал мальчик.

Мира сделала шаг к воде.

— Не слушай.

— Они говорят, что там холодно.

— Илар, пожалуйста.

— Они говорят, что не помнят своих имён.

Эра почувствовала, как рядом с ней вздрогнул Дариан.

Внутри часовни освобождённые люди начали беспокойно шептаться. Лиора прижала ладони к ушам. Рен опустился на

пол, тяжело дыша.

— Я тоже слышу, — сказала Лиора. — Кто-то ищет меня.

— Не отвечайте, — приказал Дариан.

Его эфирные нити вырвались в воздух, протянулись к дверному проёму и попытались сомкнуться над морем щитом.

Но едва первая нить коснулась чёрной воды, поверхность вспыхнула.

Дариана отбросило назад.

Эра успела поймать его за плечи, но удар прошёл через обоих. Кровный Узел болезненно вспыхнул. Перед глазами на миг мелькнуло чужое место: каменная башня на далёком острове, женщина с чёрной меткой на лице, ребёнок, который царапал на стене одно слово.

Помни.

Видение исчезло.

Дариан тяжело выдохнул.

— Это уже происходит везде.

Иара присела у порога, не касаясь воды.

— Вторая Печать открылась потому, что первая больше не питается страхом. Старые границы ослабевают.

— Значит, нужно снова закрыть их, — сказал Элиан.

— Нет.

Все посмотрели на Иара.

Она выпрямилась.

— Закрыть их прежним способом — значит вернуть то, с чего всё началось. Новые Хранители. Новые жертвы. Новые дети, которым скажут, что они должны исчезнуть ради порядка.

— А если не закрыть? — спросила Эра.

Иара посмотрела на Илара.

— Тогда придётся научиться жить в мире, где Связь снова

существует.

— Это не ответ, — резко сказал Дариан.

— Это единственный ответ, который не требует новой клетки.

Море содрогнулось.

Вода перед часовней разошлась.

Не волной.

Двумя ровными стенами, между которыми открылся тёмный путь вниз. Каменное дно уходило в глубину, покрытое чёрным песком и тонкими нитями водорослей, похожих на человеческие волосы.

Вдалеке, под толщей неподвижной воды, виднелись руины.

Башни.

Арки.

Мосты.

Целый город, затонувший задолго до того, как на побережье появилась Академия Чёрного Вереска.

Илар стоял у начала спуска.

— Они там, — сказал он.

Мира побледнела.

— Кто?

Мальчик повернулся к ней.

На этот раз его глаза были только его.

Испуганные.

Детские.

— Те, кого оставили ждать.

Из-под воды донёсся голос.

Не громкий.

Не многоголосый.

Женский.

— Иара.

Первая Хранительница застыла.

Её лицо потеряло цвет.

— Нет, — прошептала она.

Голос повторился.

Теперь в нём слышалась боль, старая и живая.

— Иара, ты обещала вернуться.

Элиан посмотрел на неё.

— Кто это?

Иара не ответила.

Вода между двумя стенами дрогнула, и на дне затонувшей дороги вспыхнул тусклый золотой свет. Он складывался в

силуэт женщины, стоящей далеко внизу.

Тёмные волосы.

Белое платье.

На запястьях — нити, уходящие в камни затонувшего города.

Иара сделала шаг к морю.

Дариан поймал её за руку.

— Кто она?

Первая Хранительница закрыла глаза.

— Та, кого я не смогла спасти.

Чёрная вода пошла рябью.

Вторая Печать в небе раскрылась ещё шире.

И по всему побережью раздался звук, от которого люди внутри часовни замерли.

Колокола.

Не один.

Не два.

Тысячи колоколов звонили одновременно — в Ланвике, в руинах Чёрного Вереска, на далёких островах, в затерянных храмах и городах, где никто уже не помнил, почему старые башни не сносят.

Илар посмотрел на Эру.

— Они открывают дороги.

Эра почувствовала, как его слова становятся правдой.

Через Кровный Узел к ней потянулись далёкие отголоски: вспыхивающие Печати, пробуждённые артефакты, испуганные люди, которые слышали чужие имена во сне.

Мир не рушился.

Он вспоминал.

Но память могла стать спасением только в том случае, ес-

ли кто-то сумеет не превратить её в новый голод.

Дариан сжал руку Эры.

— Мы идём вниз.

Мира резко покачала головой.

— Нет. Илар не пойдёт туда.

Мальчик поднял на неё глаза.

— Я должен.

— Нет, — сказала она. — Ты ребёнок.

— Я знаю.

— Тогда тебе не нужно никого спасать.

Илар посмотрел на раскрытую дорогу под морем.

Потом — на её руку.

— А если я не пойду, они останутся одни.

Мира опустилась перед ним на колени.

Её пальцы дрожали, но она не коснулась чёрной нити на его запястье.

— Тогда мы найдём другой способ, — сказала она. — Вместе. Но ты не обязан становиться дверью.

Илар долго смотрел на неё.

Потом кивнул.

Чёрная нить на его руке потускнела.

Иара медленно высвободила ладонь из руки Дариана.

— Мальчик не должен идти первым, — сказала она. — Но дорога открылась из-за него. Значит, он может показать нам, где не наступить на старые ловушки.

Дариан нахмурился.

— Это плохой план.

— У тебя есть лучший?

— Да. Оставить ребёнка здесь.

— А если дорога закроется?

Он промолчал.

Эра посмотрела на Илара.

— Ты пойдёшь только если сам этого хочешь. И только рядом с мамой. Не впереди нас. Не один.

Мальчик сжал пальцы Миры.

— Хорошо.

Элиан шагнул ближе к Дариану.

Он был всё ещё слаб, но стоял ровно.

— А я?

Дариан посмотрел на брата.

Слишком много оставалось между ними: вопросы, обиды, годы молчания. Но сейчас во взгляде Дариана не было сомнения.

— Ты идёшь со мной.

Элиан слабо усмехнулся.

— Наконец-то звучит как семейное приглашение.

Дариан почти улыбнулся.

Почти.

Внутри часовни Лиора поднялась на ноги.

— Мы тоже идём.

Эра покачала головой.

— Вы только что вернулись. Вам нужно уйти в Ланвик, предупредить людей, найти тех, кто слышит голоса.

Рен посмотрел на открывшуюся подводную дорогу.

— А если это снова начнётся?

— Тогда помните свои имена, — ответила Эра. — И напоминайте их другим.

Лиора кивнула.

Она назвала себя громко — так, будто произносила клятву:

— Лиора Эст.

Рен сделал то же самое:

— Рен Мальвер.

Потом один за другим заговорили остальные.

Имена поднимались над часовней, над неподвижным морем, над раскрывшейся Печатью. Простые человеческие имена — не заклинания и не титулы.

Но чёрная вода отступала от них.

Дорога вниз становилась яснее.

Эра шагнула к порогу.

Дариан был справа от неё.

Илар — между Мирой и Иарой.

Элиан шёл позади, внимательно глядя на нити, тянущиеся по дну.

В самом конце часовни осталась Севера.

Она стояла в окружении эфирных пут Дариана и смотрела на затонувший город с таким выражением, будто видела свою собственную могилу.

— Вы не понимаете, куда идёте, — сказала она.

Эра обернулась.

— Тогда объясни.

Севера медленно подняла глаза.

— В Первый Разлом.

Она посмотрела на Иара.

— Туда, где она оставила не только свою подругу.

Золотой глаз Иары вспыхнул.

Севера улыбнулась.

— Там осталась её половина.

И вода над затонувшим городом закрылась за ними.

ГЛАВА 13. Город под чёрной водой

Когда вода сомкнулась над ними, мир не потемнел.

Он стал тише.

Звон колоколов исчез. Шум ветра исчез. Даже собственное дыхание Эра слышала так, словно оно доносилось изда-
лека — через толстую стену сна.

Вокруг них стояла вода.

Чёрная, неподвижная, уходящая вверх к невидимой по-
верхности.

Но они не тонули.

Тонкий свет, оставшийся от названных в часовне имён,
тянулся над дорогой золотистыми нитями. Он окружал их
прозрачным куполом, внутри которого можно было дышать.

За границей купола вода медленно колыхалась, и в её глубине мелькали тени.

Слишком большие, чтобы быть рыбами.

— Никому не отходить, — сказал Дариан.

Его голос прозвучал глухо, но уверенно.

Он стоял впереди, держа ладонь над каменной дорогой. Синие эфирные нити тянулись от его пальцев к чёрному песку, проверяя путь.

— Вода не настоящая, — прошептала Эра.

— Настоящая, — ответила Иара. — Но она помнит другое состояние мира.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

Элиан тихо выдохнул.

— По крайней мере, некоторые семейные привычки не изменились.

Дариан бросил на брата быстрый взгляд.

— Если хочешь пожаловаться, можешь вернуться.

— В воду, которая не совсем вода? Исключительно заманчиво.

Несмотря на всё, уголок рта Дариана дрогнул.

Эра заметила это — и запомнила. Маленькое доказательство, что он всё ещё был здесь. Не в прошлом Ордена. Не в обещании, которым пытался соблазнить его Улей. Не в холодной пустоте, где слишком долго ждал брат.

Здесь.

С ними.

Илар шёл между Мирой и Иарой.

Он крепко держал мать за руку. Чёрная нить на его запястье почти исчезла, но Эра видела: время от времени она темнела, когда из воды доносился тихий шёпот.

— Ты слышишь их? — спросила она мальчика.

Илар кивнул.

— Но теперь не так громко.

— Что они говорят?

Он прислушался.

— Они спрашивают, помним ли мы, зачем пришли.

Мира сжала его ладонь.

— Мы пришли помочь.

Илар покачал головой.

— Нет. Это слишком мало.

Эра посмотрела на него.

Мальчик поднял глаза.

— Они хотят, чтобы мы не забыли, что они были людьми.

Иара остановилась.

Её лицо стало неподвижным.

Впереди, за затопленными арками, начинался город.

Он лежал на дне древнего моря, словно никогда не знал поверхности. Узкие улицы уходили между полуразрушенными домами. Каменные башни склонялись друг к другу, оплётённые чёрными корнями. В окнах не было стекла, но за ними временами вспыхивал слабый свет — золотой, синий, алый.

На мостовой лежали статуи.

Все без лиц.

— Это был город Первичного Круга? — спросил Элиан.

— Нет, — сказала Иара. — Это был город до Круга.

— Тогда кто здесь жил?

Она долго молчала.

— Те, кто впервые услышал друг друга.

Путь вывел их на широкую площадь.

В центре стоял высохший фонтан. Вместо воды в его чаше лежали сотни маленьких каменных табличек. На каждой было вырезано имя.

Некоторые Эра могла прочесть.

Лиора Эст.

Рен Мальвер.

Илар Мерн.

Мира Мерн.

Она резко остановилась.

— Почему здесь наши имена?

Иара побледнела.

— Их не должно быть.

Дариан подошёл к фонтану и провёл пальцами над одной из табличек, не касаясь.

— Это не список умерших, — сказал он. — Это список возможных связей.

— Что это значит? — спросила Мира.

— Значит, город не записывает тех, кто уже пришёл, — тихо ответил Элиан. — Он записывает тех, кого может забрать.

Чёрная вода за пределами купола дрогнула.

Из неё медленно выплыло лицо.

Старое.

Морщинистое.

С водянистыми серыми глазами.

Старик с дороги.

Он прижал ладонь к прозрачной границе купола.

— Я вспомнил, — прошептал он.

Эра шагнула к нему.

— Как тебя зовут?

Старик улыбнулся.

И вдруг его лицо начало распадаться.

Сначала кожа стала пеплом. Потом волосы. Потом глаза. Вода втянула всё это без единого всплеска.

Но перед тем, как исчезнуть, он успел сказать:

— Таллен. Меня звали Таллен Ро.

На фонтане треснула одна из пустых табличек.

Имя проступило на камне золотыми буквами.

ТАЛЛЕН РО.

И где-то вдалеке, среди затонувших улиц, ответил голос женщины:

— Иара.

Первая Хранительница вздрогнула.

Она медленно пошла вперёд.

— Не одна, — сказал Дариан.

Иара остановилась.

— Что?

— Ты не пойдёшь одна.

— Там не ваша история.

— Нет, — ответила Эра. — Но это всё ещё история тех, кого пытались сделать безымянными.

Иара посмотрела на них.

В её золотом глазу вспыхнул свет.

Потом она кивнула.

— Тогда идём.

Они прошли через площадь и свернули в узкую улицу, ве-

душую к самой высокой башне города.

Чем ближе они подходили, тем больше имён появлялось на стенах домов. Они были выцарапаны на камне, вышиты нитями на ставнях, выложены мелкими белыми ракушками на мостовой.

Некоторые повторялись сотни раз.

Некоторые были перечёркнуты.

А некоторые исчезали прямо у них на глазах.

Илар вдруг остановился.

— Здесь есть моё имя.

Мира напряглась.

На стене перед ними, среди десятков надписей, тянулась тонкая чёрная строка:

ИЛАР — ДВЕРЬ.

Под ней медленно проступала вторая:

ДАРИАН — КЛЮЧ.

Третья:

ЭРА — УЗЕЛ.

Эфир вокруг руки Дариана вспыхнул.

— Не трогайте стену.

Но Иара уже подняла ладонь.

Она не коснулась надписей. Просто произнесла:

— Нет.

Камень дрогнул.

Чёрные слова пошли трещинами и осыпались в песок.

Под ними остались другие, более старые буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.